

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

Е.А. ГЛУЩЕНКО

РОССИЯ
В СРЕДНЕЙ
АЗИИ

ЗАВОЕВАНИЯ
И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Россия забытая и неизвестная

Евгений Глущенко

**Россия в Средней Азии.
Завоевания и преобразования**

«Центрполиграф»

2010

Глущенко Е. А.

Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования /
Е. А. Глущенко — «Центрполиграф», 2010 — (Россия забытая и
неизвестная)

Вниманию читателей предлагается книга известного историка Е.А Глущенко, посвященная завоеванию и преобразованиям Средней Азии, на территории которой было образовано Туркестанское генерал-губернаторство Российской империи. Автором подробно описаны процессы присоединения к России регионов, сложившихся вокруг таких городов, как Ташкент, Самарканд, Бухара, Хива, Коканд, Геок-Тепе и др., и последующая их цивилизация. В книге представлено участие в этих процессах российских императоров, в первую очередь Александра II, приводится галерея видных российских военных и административно-хозяйственных деятелей. Представляемый читателям труд в определенной степени является ответом на вызов со стороны историков независимых государств, в первую очередь Узбекистана, «труды» которых непрофессиональны, зачастую фальсифицированы и отличаются неприятием очевидных фактов. Такие «откровения», отягощенные к тому же агрессивной русофобией, переходят в учебники истории для средних учебных заведений и отравляют сознание современных поколений населения этих стран. На основании результатов новых архивных изысканий, мемуаров, публикаций последних лет в книге рассмотрены проблемы личностных отношений коренных жителей и русских людей, вопросы взаимоотношений русской администрации с местным населением, исповедующим ислам. Книга снабжена именным указателем и большим количеством иллюстраций. Как и вся серия, книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся правдивой отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей и межгосударственных взаимоотношений между близкими когда-то народами России.

© Глущенко Е. А., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Введение	6
Часть первая	12
Предыстория	12
Подготовка присоединения Средней Азии	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Евгений Александрович Глущенко

Россия в Средней Азии.

Завоевания и преобразования

*Памяти друга, талантливого ученого Евгения Фролова
посвящается*

Введение

Россия разделила судьбу Англии, Франции и других европейских государств, имевших колониальные владения. После распада колониальных империй на карте мира, главным образом в Азии и Африке, появились десятки независимых стран, обитатели которых на первых порах находились в состоянии эйфории, радуясь избавлению от заморских господ и наставников. Но проходили годы, а большие ожидания нового счастья и экономического процветания не сбылись, более того, положение в народном хозяйстве становилось заметно хуже в сравнении с колониальными временами.

Случилось то, чего никто не ожидал: боготворимые вожди национально-освободительных движений с великим усердием занялись самообогащением и самовозвеличиванием, воздвигая себе памятники при жизни на пьедесталах, на которых еще вчера стояли кумиры колонизаторов. От героев освобождения старались не отставать чиновники всех рангов – казнокрадство стало нормой; вспыхнули подспудно тлевшие межэтнические конфликты; незаконная смена власти стала повседневной обыденностью.

Независимость оказалась тяжким испытанием, которое не способны были выдержать самонадеянные борцы за нее. У них для этого не было ни знаний, ни умения, ни опыта. А недовольство «низов» росло. Оставалось искать виновных собственной непригодности на стороне. На долгие годы вперед виновными в «наших трудностях» были назначены колонизаторы. Это они что-то не доделали, что-то не построили, чего-то недодали. Направо-налево раздавались филиппики в адрес бывших колониальных хозяев, а параллельно (ради укрепления силы духа и патриотического подъема масс) сочинялись новые, достойные свободных народов национальные истории. Во-первых, всячески восхвалялись деяния предков (порою вымышленные), во-вторых, со всей страстностью обличались колонизаторы, принесшие неисчислимые страдания, имевшие долго действующий эффект.

Практически то же случилось на постсоветском пространстве после распада Советского Союза, который, кстати, колониальной державой не был, уже хотя бы потому, что национальные республики («колонии») жили лучше, чем Россия («метрополия»). И тем не менее вот уже второе десятилетие в адрес России сыплются упреки со всех сторон самого разного свойства.

«В 1990 г., когда отношения центра и республик начали стремительно ухудшаться, – сказано в сборнике «Национальные истории в советском и постсоветских государствах», – исторический образ России столь же стремительно обретал абсолютно отрицательные черты. Страной-агрессором, душителем национальной независимости она предстает уже не только со времен Сталина, но и с досоветских времен»¹.

В постсоветских государствах к настоящему времени созданы новые национальные истории, основанные на «новом историческом мышлении»², составным элементом которого явля-

¹ Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 77.

² Гарипов Р.Г. Историография общественно-политических и национально-прогрессивных движений в Туркестане начала

ется откровенная русофобия. Национальные историки вновь вооружились ветхими идеями первого советского историка-марксиста М.Н. Покровского, утверждавшего, что присоединение их земель к Российской империи было абсолютным злом», тем более что Ленин давно объявил Россию «тюрьмой народов». Покровский и его ученики, развивая ленинскую мысль, не скупилась на крепчайшие выражения. Они много и настойчиво писали о «зверствах царизма», о «дикой эксплуатации местных народов», о «кровавых псах царской охранки» и т. п. Их идеи теперь развивают в Ашхабаде, Киеве, Тбилиси, Ташкенте и в других столицах СНГ.

Как в Африке, так и на просторах СНГ элиты новых независимых государств озабочены самоутверждением и легитимацией «своих» гимнов, гербов, «своей» истории и власти, к тому же они испытывают дефицит героики. Помогают ученые: удревняют родную историю, присваивают достижения народов, сошедших с исторической сцены, находят новых героев (порою с весьма сомнительной репутацией), расцветивают их деяния, демонстрируя таким образом все грани «нового исторического мышления».

«Сервильность историков, – пишут авторы сборника «Национальные истории...», – не требует особых комментариев. Историописание воспринимается большинством из них, сформировавшихся в советское время, в качестве идеологического инструмента, камертоном которого служат установки «сверху»³.

Автора, изучающего историю Русского Туркестана, в первую очередь интересовала историческая литература, изданная в Средней Азии в последние два десятилетия. Познакомиться с ней оказалось делом нелегким, поскольку в библиотеки Москвы и Петербурга книги оттуда практически не поступают, тем не менее автору удалось собрать небольшую коллекцию книг, авторефератов диссертаций, брошюр, журналов и газет, изданных в 90-х гг. XX в. – начале века нового. Все эти материалы напечатаны в Ташкенте, где в советское время существовала солидная историческая школа. Изучив свою коллекцию, автор получил возможность составить представление о содержании современного научного поиска в центре бывшего Туркестана, о его преобладающих тенденциях, о «движущей и направляющей силе».

Удалось, прежде всего, обнаружить сигнал «сверху». В июне 1998 г. на встрече с историками Узбекистана президент страны Каримов обозначил ориентиры: «самосознание начинается со знания истории», «без исторической памяти нет будущего», «история – основа духовности народа»⁴. Все корректно и даже безупречно. Далее, в развитие целеуказаний главы государства последовало в том же году постановление кабинета министров Республики Узбекистан «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан», в котором подвергается критике научное учреждение за невнимание к насущным нуждам народа и ставятся задачи в свете. В лучших советских традициях, в стиле постановлений ЦК КПСС.

Директивный орган указывает ученым, что их задачей «является изучение подлинной истории узбекского народа», от ученых требуют отказаться от «однобокого подхода, фальсификации прошлого, пропаганды колониальной идеологии при исследовании истории узбекского народа и его государственности»⁵.

Как говорится: «уже теплее», ближе к теме, уже понятнее, и научные кадры (ученые кадры) все понимают. Так, к примеру, получена установка считать, что период колониализма длился не 50 лет, а все 130. «Вначале это была эпоха колониального правления Российской империи, затем – десятилетия империи советской»⁶. Что это значит? Значит, что советский

XX в.: Автореф. дис. к. и. н. Ташкент, 2001. С. 11.

³ *Национальные истории...* С. 64.

⁴ Цит. по: *Исмаилова Ж.Х.* Национально-освободительное движение в Туркестане в начале XX в. Ташкент, 2002. С. 3.

⁵ Народное слово. 1998. 28 июля. С. 1.

⁶ *Котиокова Т.В.* Проблемы Туркестана в центральных законодательных органах власти Российской империи (1905–1917 гг.): Автореф. дис. к. и. н. Ташкент, 2001. С. 3.

период узбекской истории был таким же ужасным, разрушительным и непродуктивным, как и период подчинения Российской империи.

В сущности, узбекским историкам не пришлось резко перестраиваться – они и до «судьбоносного» постановления работали в русле «нового исторического мышления», просто теперь можно было ничего и никого не опасаться, ни на кого не оглядываться: за спиной была поддержка официальной власти. Выход исторических работ заметно увеличился как на русском, так и на узбекском языке. Стало больше работ на узбекском языке, расширился круг авторов – к авторам, работавшим в советское время, добавились молодые силы.

Итак, сегодня можно говорить о довольно внушительном списке обвинений, выдвинутых современными узбекскими историками в адрес дореволюционной России («которую мы потеряли»). Перечислю наиболее серьезные.

Историки современного Узбекистана обвиняют русских в том, что они «заблокировали естественную эволюцию среднеазиатской государственности»⁷. Негативным фактором русского управления называют «разрушение царским самодержавием национальной государственности, пренебрежение кровными интересами коренного населения, лишение его политических прав и свобод»⁸.

Что касается «естественной эволюции среднеазиатской государственности», то и сейчас, и 150 лет назад было известно, что никакой эволюции не было, а был политический и экономический застой, характерный для всех трех среднеазиатских ханств. Кстати, русские сохранили в первозданной чистоте Бухарское и Хивинское ханства, которые в течение 50 лет (1867–1917) имели все возможности «естественно эволюционировать», только эти «государства» такой возможностью не воспользовались.

Смешно звучит обвинение, касающееся «лишения политических прав коренного населения», которое таковых не имело. Подданные ханов и эмиров не имели ни имущественных, ни каких-либо других гражданских прав, кроме права лишиться головы без суда и следствия.

Россия обвиняется в стремлении христианизировать население Средней Азии⁹, хотя все было как раз наоборот. Русские власти не допускали в регион православных миссионеров, чтобы не создавать конкуренцию исламу и не вызывать враждебных настроений в мусульманской среде. Первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман долгие годы сопротивлялся учреждению в крае православной епархии. Более того, русская администрация отпускала деньги на восстановление мусульманских святынь и строительство новых мечетей.

Русские переселенцы якобы наводнили Туркестан и захватили земли коренных жителей, то есть представляли для местного населения серьезную угрозу¹⁰. Но Туркестан в начале XX в. был заселен слабо (около 5 миллионов человек), а русские селились в основном в городах и железнодорожных поселках. К 1917 г. русских поселенцев в сельской местности на огромных земельных просторах края проживало всего около 500 тысяч человек. Сегодня, кстати, только в Узбекистане (в свое время – часть Туркестана) насчитывается более 25 миллионов жителей и, кажется, там не жалуются на перенаселенность.

Одно из самых необоснованных и грубых обвинений – это обвинение России, пришедшей в Среднюю Азию якобы с целью грабежа. «Царизм в экономическом плане преследовал цель – как можно быстрее и без затрат со своей стороны извлекать материальную выгоду от приобретенных территорий»¹¹, – пишет Ф. Исхаков, историк, сформировавшийся в поздне-

⁷ Абдурахимова Н.А., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX в. Ташкент, 1999. С. 4.

⁸ Исмаилова Ж.Х. Указ. соч. С. 28.

⁹ См.: Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917). Ташкент, 1997. С. 36.

¹⁰ См.: там же. С. 90.

¹¹ Там же. С. 33.

советское время, когда беспардонное вранье считалось уже делом неприличным. Впрочем, в нашем случае обращение к нравственным категориям наивно и неуместно.

Колонизаторы XIX в., будь то англичане, французы или русские, не могли позволить себе грабить колонии, так как это было нерационально и нерентабельно. В XIX в. колонии должны были приносить стабильный доход, а для этого в них приходилось вкладывать капиталы. Так, в Средней Азии русских привлекал хлопок, но он был низкого качества, а потому пришлось затратить большие средства на селекционную работу и в течение нескольких лет вывести новый сорт хлопчатника, волокно которого было пригодно для российской текстильной промышленности. И еще: дефицит краевого бюджета Туркестана с 1869 по 1911 г. составил 149 710 605 рублей. С 1869 по 1906 г. ежегодный дефицит равнялся в среднем 3 млн рублей, и только с 1906 г. бюджет стал профицитным¹². Более того, российские исследователи высказывают обоснованное мнение, что «Россия всегда была донором колонизируемых народов (поддержание уровня жизни периферий через централизованную редистрибуцию доходов, механизм дотаций)»¹³. Какой уж тут грабеж!

Проникнутые идеями постановления правительства «О совершенствовании деятельности», отказавшиеся от «фальсификации прошлого, пропаганды колониальной идеологии», историки независимой Республики Узбекистан в короткий срок создали... новую мифологизированную историю. Так, современные этносы страны стали прямыми наследниками блестящих цивилизаций древности – Бактрии, Парфии, Кушанского царства, Хорезма.

Другая и, пожалуй, любимая мифологема последователей «нового исторического мышления» – «независимость Узбекистана явилась результатом упорной национально-освободительной борьбы народов нашей страны»¹⁴. Этому сюжету посвящены десятки работ, созданных в последние два десятилетия¹⁵.

Казалось бы, все эти изыскания суть внутреннее дело недавно возникшего государства, да и издаются их небольшими тиражами. Вред от них в другом: ученые штудии носителей ученых степеней и академических титулов попадают на страницы школьных пособий, которые выделяют некие народные умельцы. Предназначенные для любознательного юношества учебники печатаются многотысячными тиражами.

Перед нами «История Узбекистана (вторая половина XIX века – начало XX века). 9-й класс. Утверждено Министерством народного образования Республики Узбекистан в качестве учебника для учеников 9-го класса общеобразовательной школы» (Ташкент, 2001. 336 с. Тираж 30 тыс. экз.), автор Жумабой Рахимов.

Кроме учебника для девятого класса Рахимов написал учебник для шестого класса и несколько статей. «Они, – сказано в справке на обложке «Истории Узбекистана», – объединены одной общей темой – воспитание национальной гордости, уважения к духовным ценностям и патриотизма у учащихся на уроках истории»¹⁶. На первой странице книги от себя автор сообщает, что при изучении истории «во главу угла должны быть поставлены правдивость и объективность»¹⁷.

Список использованной литературы насчитывает 30 наименований, из них работа русского автора и на русском языке только одна, остальные написаны на узбекском, главным образом в 90-х гг. прошлого века. Рахимов писал историю Русского Туркестана, а потому ради

¹² См.: *Кривошеин А.В.* Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Полтава, 1912. С. 87.

¹³ *Черкасов П., Чернышевский Д.* История императорской России. М., 1994. С. 333.

¹⁴ *Котюкова Т.В.* Указ. соч. С. 3.

¹⁵ См., напр.: *Гарипов Р.Г.* Указ. соч. С. 20–21.

¹⁶ *Рахимов Ж.* История Узбекистана. Ташкент, 2001. Обложка.

¹⁷ Там же. С. 3.

«объективности» следовало бы использовать в основном русскоязычные источники и литературу – так принято в научном сообществе.

Свой учебник Рахимов написал на узбекском языке, а русский либо знает плохо, либо совсем не знает. Узбекский текст переводили на русский неквалифицированные переводчики, плохо знающие русскую историю и ее реалии, а Рахимов не сумел исправить плохой перевод. Встречаются совсем смешные огрехи. Так, в тексте договора, заключенного генерал-губернатором Туркестана К.П. фон Кауфманом с бухарским эмиром Сеидом Музаффаром в 1868 г., дважды упомянут Император, которого почему-то титулуют «Его Превосходительство господин Император России». Под документом стоит название источника: «Правительственный вестник», 1872, № 238¹⁸.

Такого, конечно, быть не могло – ни одно должностное лицо в России не посмело бы титуловать Государя Императора Всероссийского «Превосходительством». Можно предположить, что перевод делался с узбекоязычного текста договора и никто его не сверил с русским оригиналом.

В учебнике помещены некие документы» (вроде того, что цитировался выше), но большинство из них не имеют ни названия, ни источника, из которого «документ» извлечен.

Автор и переводчики плохо знают русские реалии, а потому текст наполнен странными, якобы русскими терминами и словосочетаниями типа: «высшая академия штаба» (надо: Академия Генерального штаба), «батарея конных солдат» (надо: батарея конной артиллерии), походные колонны названы фронтами, на вооружении русской армии в 1873 г. оказались пулеметы¹⁹ и т. п. Перевернаны даты и русские фамилии.

Это свидетельство непрофессионализма, но – мелочи в сравнении с назойливой тенденциозностью содержания, с пафосом книги: русские – жестокие враги, угнетатели и грабители. «22 сентября ценой зверского уничтожения людей враги вошли в Чимкент. После взятия города начались невиданные грабежи»²⁰. Россия – «вор имущества в мировом масштабе», «беспощадная империя»²¹.

Такие словосочетания, как «русские колонизаторы», «русские шпионы», «русские захватчики», на 336 страницах книги встречаются 292 раза. Какой-то учебник ненависти! Книга перенасыщена злобной русофобией. Подобных учебных пособий в Узбекистане вышло несколько.

Проходят годы, но «невежественное охаивание Руси» (выражение Д.С. Лихачева) на постсоветском пространстве продолжается, набирая силу. Проблема стала настолько раздражающей, что игнорировать ее стало невозможно. Указом президента Российской Федерации Д.А. Медведева «в России создана комиссия при президенте по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб России. Дмитрий Медведев утвердил положение о ней и состав в числе 28 представителей государства и общества во главе с руководителем Администрации президента Сергеем Нарышкиным. Борьба с теми, кто сознательно искажает прошлое, начинается на самом высоком уровне. Комиссия займется обобщением информации о намеренном и «умаляющем престиж России» искажении исторических фактов»²².

Бороться с «клеветниками России» (А.С. Пушкин) уговорами, тем более силовыми мерами невозможно – остаются статьи, книги, публичные выступления. В какой-то степени этой цели может послужить предлагаемая книга. Доныне такой работы у нас не было. В совет-

¹⁸ См.: там же. С. 169.

¹⁹ См.: там же. С. 117–118.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ Там же. С. 133.

²² Известия. 2009. 20 мая. С. 1.

ское время издавались труды, касавшиеся тех или иных политико-экономических проблем указанного периода, но обобщавшей весь комплекс вопросов работы не было.

Книга «Россия в Средней Азии» не претендует на исчерпывающий анализ и описание событий названного времени – речь пойдет только о наиболее значимых.

К вопросу о термине «Средняя Азия»: географический термин получил определенное значение со времени А. Гумбольта и употреблялся для обозначения внутренних частей Азиатского материка. Территорию Средней Азии ныне занимают Узбекистан, Туркмения, Таджикистан и Киргизия. До 1917 г. в обиходе был термин «Туркестан», который охватывал указанные выше страны, а также южную часть Казахстана.

Мы предпочли бы вернуть термин «Туркестан» и назвать книгу «Россия в Туркестане», но «Туркестан» – сегодня почти забытый термин.

Автор выражает искреннюю благодарность Валентине Павловне Хохловой, Валентине Алексеевне Благово и Сергею Алексеевичу Сапожникову, без чьей доброжелательной поддержки эта книга не смогла бы увидеть свет.

Часть первая

Завоевание края

Предыстория

Исторически и географически Средняя Азия (Туркестан) является составной частью Центральной Азии, которая занимает огромную территорию земной суши, протянувшись почти на 7 тысяч километров – от Каспийского до Японского моря и на 1,5 тысячи километров – с севера на юг. Ее площадь около 6 миллионов квадратных километров. Копетдаг, Гиндукуш, Памир, Тибет с горной грядой Куньлунь создают южный барьер, прочно запирающий этот огромный массив от воздействия южных морей, а с севера – Алтай, Саяны, Становой и Яблоневый хребты, Хинган надежно прикрывают от воздействия Северного Ледовитого океана, а Тянь-Шань рассекает Центральную Азию на две части – западную и восточную. В западной части основное пространство занимает Туранская низменность, в восточной – Великая Китайская равнина, а также три обширные пустыни – Такла-Макан, Алашань и Гоби.

Такое сочетание горных массивов и пустынь создало физико-географический эффект, не имеющий аналогов в мире. Климат Центральной Азии пустынный, резко континентальный, здесь постоянно дуют сильные ветры, выветривая огромные массы песка и пыли с гор и разнося их по всему региону в виде пыльных бурь и ураганов, которые в состоянии превратить день в ночь и снизить видимость до 10–15 метров. Во время песчаных бурь исчезали караваны вместе с сопровождающими их людьми, разрушались жилые строения, камнем и песком забивались колодцы. Ветры огромной силы «формировали» скалы, придавая им невероятные, причудливые очертания, что стимулировало фантазию человека, которому в этих сотворенных ветром скалах чудились мифические существа. Именами этих существ люди называли близлежащие долины Алашань и Гоби.

Путешественники позднего времени встречали здесь русла неизвестных рек, не обозначенные на картах, развалины древних городов. Там, где некогда бурлила жизнь, оставались лишь контуры построек и улиц – ветер стирал память о людях, об их жизни. Все исчезало здесь бесследно, и никто из местных жителей не мог сказать ничего о мертвом городе. Не сохранилось даже преданий.

Средняя Азия, благодаря расположению Тянь-Шаня по меридиану, оказалась более подверженной воздействию Центральной Азии, ветер нес сюда пыль, песок вдоль горных хребтов, которые часто играли роль аэродинамических труб, усиливая ветер, превращая его в бураны.

Но у Средней Азии оказалось достаточно природных сил, противостоящих нашествию этих ветров. Две великих реки – Амударья и Сырдарья – охраняли живую жизнь, а четыре громадных резервуара – озеро Балхаш, Иссык-Куль, Арал и Каспийское море – удерживали в атмосфере необходимый минимум влажности, заставляли песок оседать, образуя теплые весенние дожди, обильные осенние ливни и надежный, временами до метра толщиной снежный покров, позволявший почве насытиться влагой.

Средняя Азия протянулась с запада на восток от Каспийского моря до ледникового массива Хантенгри на Тянь-Шане на 2400 километров, а с севера на юг от казахских степей до Кушки – на 1280 километров. Отчетливо выделяются низменности – Туранская равнина, Ферганская, Зеравшанская и Сурхан-Шерабадская долины, которые длинными языками вдаются в горные зоны. Особенности циркуляции атмосферы, в которой участвуют арктические, умеренные и воздушные тропические массы, создают, с одной стороны, устойчивость высоких летних

температур и, с другой – резкие понижения температуры зимой, обильные дожди и снегопады зимой, осенью, весной.

В Средней Азии с гор сбегает около 6 тысяч рек длиной более 10 километров каждая, из них 3700 – в бассейнах Амударьи и Сырдарьи. Амударья – наиболее водоносная из рек Средней Азии – превосходит Днепр по среднему расходу воды в 1,2 раза, а Дон – в 3 раза.

В силу благоприятных климатических условий Средняя Азия стала одним из семи основных центров происхождения культурных растений – юго-западно-азиатских. Это был мировой очаг происхождения большинства хлебных злаков – пшеницы, ячменя, ржи.

Около 15 процентов всей мировой культурной флоры ведет происхождение из этого региона.

Главной заботой населения Средней Азии на протяжении всей истории существования здесь было создание ирригационных сооружений, расширение культурных площадей и лесонасаждений, разведение садов. Это было надежной защитой против наступления песков. Вот почему основной заботой всех среднеазиатских правителей всегда было развитие ирригационных сооружений, что требовало сохранения владельческих прав на землю в одних руках, то есть в руках правителя, – частной собственности на землю в Средней Азии практически не было.

Это привело, с одной стороны, к распространению и расширению посевных площадей, садов, пастбищ, ирригационной сети, а с другой – к технологическому застою. Почти два тысячелетия *омач* (деревянная соха) сохранялся в качестве главного орудия обработки земли и почти в неизменном виде оставались налоговая система и родо-племенные отношения; вплоть до Новейшего времени сохранялось кочевничество.

Кочевники вели специфический образ жизни – кочевали в поисках наиболее удобных пастбищ. В ходе своих передвижений по степи они сталкивались с другими племенами в борьбе за земли, годные для выпаса скота, или же с централизованными государствами, которые стремились обложить их данью. Это обстоятельство способствовало сплочению кочевых кланов, объединению их в крупные кочевые военно-племенные союзы со своим верховным правителем и своей политической структурой наподобие «кочевых империй» Огузхана или Чингисхана. Появление таких государственных объединений означало распад первобытно-общинного строя, закрепление частной собственности на скот, превращавшийся в средство обмена, и возникновение имущественного и социального неравенства.

Лошадь была для кочевников всем – залогом их существования. Она была транспортным средством, основным элементом пищевого рациона, давала материал для одежды и постройки жилищ. Достаточно сказать о молоке кобылиц, которое употреблялось в свежем и скисшем виде. Из этого молока делали творог, сыр, масло. Почти в каждой юрте мешками стоял *курут* – маленькие шарики из высушенного творога, который заменял кочевнику хлеб. Вся жизнь кочевников была регламентирована сменой времен года – зиму они проводили в отапливаемых помещениях, называемых *кишлаками* (то есть зимнее стойбище), а летом отправлялись на *яйлак* (летнее стойбище).

* * *

В течение многих столетий на просторах Центральной Азии возникали и распадались могучие протогосударства, в том числе кочевые. Первой известной «кочевой империей» был возникший в III в. до н. э. военно-племенной союз *хуннов*, который объединял 24 племена. Своего расцвета эта империя достигла при Огузхане (209–174 до н. э.). Он покорил Китайскую империю, Тангутское царство, завоевал все владения, расположенные от Монголии до Индии, подчинил себе все земли до Каспийского моря.

В I в. до н. э. держава хуннов распалась, южная часть была поглощена Китаем, северные племена, кочевавшие по территории Южной Сибири и Монголии, откочевали к западу и основали новое царство на Алтае и в степях Восточного Казахстана. Быстро растущая численность этноса и увеличение числа племен толкали хуннов двигаться дальше на запад. В начале II в. н. э. они проникают за Волгу и донские степи, включают в свой состав разнообразные местные племена.

В 445 г. правителем хуннов становится Атила, при котором хуннская держава заняла огромную территорию на востоке Римской империи и районы расселения многих племен Западной Европы. Поражение Атилы в 451 г. в Галлии в столкновении с римскими легионерами (Каталунская битва) приостановило движение хуннов, и после смерти Атилы в 453 г. его империя распалась.

В середине VI в. поднялась новая волна продвижения кочевников. Результатом было создание Тюркского каганата, объединившего обитателей Великой степи от Алтая до Дона. Каганат просуществовал 200 лет, ему удалось подчинить своему культурному влиянию местные этносы — *кипчаков* (половцев), *карлуков*, *кыргызов*, *туркмен* и *киданей*., которых считают предшественниками тюркских племен. Китайцы считали *тюрок* потомками хуннов, того же мнения придерживается и современная наука. Считают также, что прародителями тюрок был народ *сяньби*, обитавший в древности восточнее ареала расселения *монголов*.

Язык и письменность тюрок зафиксированы в древнейшем памятнике тюркского языка — орхонских надписях (по названию реки Орхон в Монголии, где они были обнаружены), относящихся к VIII в. н. э. Этноним «тюрк» означает «сила, мощь». В XI в. н. э. Махмуд Кашгарский, филолог и историк, писал о 20 тюркских народах, которых он разделяет по районам их расселения на северных и южных.

Важную роль в судьбах народов Средней Азии сыграл Великий шелковый путь. Это была сеть дорог, связывавших торговые и культурные центры Китая, Индии, Среднего и Ближнего Востока. Начала эта сеть действовать со второй половины II в. до н. э. Торговые связи Средней Азии с Ираном привели к удлинению этой дороги до Средиземного моря, и она приобрела межконтинентальный характер.

Через Среднюю Азию проходили две *шелковые* дороги — южная и северная. Южная брала начало в китайском городе Юймыне, шла вдоль Южных гор до Яркенда и далее в Вахан, где путь раздваивался — один маршрут вел караваны на Дамаск и заканчивался в Антиохии, другой проходил через Гилгит и Кашмир в Надхару и заканчивался в устье реки Инд.

Северная дорога из Китая проходила по северному подножию Тянь-Шаня через перевал Терек-Даван в Ферганскую долину, отсюда через Шаш (Ташкент), Самарканд, Бухару, Хорезм шла на север, проходила через Приуралье и нижнюю Волгу, оканчиваясь в греческих колониях Причерноморья.

Вся дорога от Китая до средиземноморских портов Тир и Сидон, куда доставлялись китайские товары, имела протяженность свыше 9 тысяч километров. Купцы, гонцы, проводники караванов двигались непрерывно в обоих направлениях. Особенно большая роль в торговле на Шелковом пути принадлежала *согдийцам* (то есть самаркандцам). Согдийскими купцами были основаны поселения в крупных торговых центрах Средней Азии, Восточного Туркестана и Северного Китая. На одном из перекрестков торговых путей в Китае, в Дунхане согдийское поселение насчитывало не менее тысячи жителей. По южному пути согдийские караваны шли через Памир и Северную Индию.

Главным товаром по всему пути был шелк. Кроме того, из Китая на Запад шли ткани типа тафты, репса, тонкие камчатые и газовые ткани. Верблюды несли на себе тюки, в которых находились бронзовые китайские зеркала, зонты, лекарства, парфюмерия.

С Запада вывозили стекло и стеклянные изделия, а также одежду из шерсти. Эти товары составляли $\frac{3}{4}$ всего оборота.

Шелковый путь был не только торговой артерией, стимулирующей экономическую активность многих регионов Востока и Запада, – по нему шел обмен информацией, производственными навыками, культурными ценностями. Средняя Азия оказалась в центре огромной транспортной системы самого большого материка. Через среднеазиатскую территорию шел интенсивный обмен материальными и духовными ценностями, чем не могли не воспользоваться ее обитатели. Перекрестком Азии стал Самарканд, куда перебрались и оставались жить на долгие годы ученые, музыканты, художники, архитекторы.

Благодаря Шелковому пути тюркский язык получил широкое распространение в качестве разговорного, общепонятного средства общения на всем протяжении маршрута. Тюркские племена *ягма* и *карлуки*, жившие в юго-западной части Таримского бассейна, стали как бы стражами великой дороги и превратили оазисы Кашгар, Яркенд и Хотан в крупные торговые центры.

* * *

Цветущие оазисы Средней Азии издавна привлекали завоевателей. Сначала это были персы – Средняя Азия 200 лет в VI–IV вв. до н. э. была частью гигантской персидской империи. Персидский царь Дарий I (521–485 до н. э.), создавший державу Ахеменидов, состоявшую из 24 провинций (сатрапий), завоевал часть Хорезма, Бактрию, территории по берегам Амударьи, а также междуречье Амударьи и Сырдарьи. Эти регионы составили 15-ю и 16-ю сатрапии. Их обитатели должны были платить весьма значительную дань. Кроме регулярных податей, персидские цари царей (официальный титул персидских владык) принуждали уплачивать еще дополнительные, угрожая закрыть воду, идущую на поля.

Официальным языком Персидской империи стал язык древних арамейских племен, населявших Месопотамию. Арамейский алфавит был более доступным для усвоения по сравнению с древнеперсидской клинописью, благодаря чему этот язык получил широкое распространение, в том числе и в Средней Азии.

Культура державы Ахеменидов аккумулировала лучшие традиции ассиро-вавилонской культуры. У вавилонян была заимствована технология изготовления многокрасочной поливной глазури, с помощью которой украшались фасады и интерьеры зданий. Из Малой Азии пришла техника кирпичной кладки.

Сатрапы царя царей предпринимали энергичные меры, чтобы внедрить в умы покоренных народов основы государственной религии, внушить им благоговение перед царской властью, врученной Ахеменидам высшим существом, и беспрекословное подчинение завоевателям. Создатели государственной религии умело использовали культ природы и стихий, религиозные празднества и обряды разных этносов, в том числе населявших Среднюю Азию. Раскопки поселений в Хорезме обнаружили остатки древнейших «домов огня», то есть капища огнепоклонников. В Средней Азии найдены предметы культа древнейших богов природы – Митры, который считался богом солнца, и богини земли, воды и плодородия Ардвисуры – Анахиты. Культы этих богов вошли в систему религиозных верований и сохранились в Средней Азии до позднего времени. Существуют свидетельства о том, что древний религиозный сборник Авеста (некоторые варианты) был создан на среднеазиатской земле. По преданиям, «священный огонь» зороастрийской веры впервые был зажжен в Хорезме.

За два века правления персов Средняя Азия достигла заметного прогресса в социально-экономической сфере. Археологи раскопали десятки древних поселений, которые были небольшими городами эпохи Ахеменидов. Не следует преувеличивать значение этих городов – они были укрепленными пунктами, усадьбами правителей и новой знати. Конечно, это не были города в современном значении термина: внутри городских стен пасли скот, сеяли пшеницу, шили одежду, плавил металл, производили гончарную посуду. И тем не менее с этих

ахеменидских городов начинался медленный и долговременный процесс урбанизации Средней Азии. В ряде мест найдены ахеменидские монеты, а также афинские тетрадрахмы, и существует предположение, что в V–IV вв. до н. э. некоторые местные персидские наместники начали чеканку среднеазиатских монет.

В VI–IV вв. до н. э. началось строительство головных сооружений и магистральных ирригационных систем, которые давали возможность земледельческого освоения обширных дельтовых равнин крупных среднеазиатских рек. Такие сооружения обнаружены в Хорезме, Маргилане, Фергане, Согде и Ташкентском оазисе. Местное население выращивало пшеницу, просо, рис, занималось садоводством и овощеводством. Здесь хорошо прижились персики, вишни, дыни, арбузы, виноград. Особо важное значение для роста благосостояния населения имело скотоводство. Видимо, в годы персидского владычества в Средней Азии началось разведение крупного рогатого скота и лошадей, что установлено в ходе археологических работ.

Развитие животноводства произвело революционные перемены в семейных отношениях: если ранее наследование собственности шло по материнской линии, то теперь, когда основным богатством семьи стал скот, которым владел мужчина, наследование пошло по мужской линии. Мужчина стремился оставить наследство своим детям, а не сестрам и братьям жены. Можно, таким образом, говорить о заметном развитии региона за два века ахеменидского господства.

Александр Македонский прошел Среднюю Азию огнем и мечом. Восточный поход Александра длился почти 10 лет (334–324 до н. э.), в течение которых македонская армия прошла около 20 тысяч километров. В Средней Азии, куда Александр вторгся, преследуя войско персидского царя Дария III, он и его воины находились три года. Каковы же были последствия пребывания македонцев в регионе?

Внимание привлекают города – александрии, основанные великим полководцем. Хотя сколько-нибудь значительного влияния на социально-экономическое развитие территории они не оказали, тем не менее это были центры эллинизма, который хорошо заметен в тех произведениях искусства (главным образом скульптуры), которые откопали археологи. Также историки считают, что походы Александра Македонского стимулировали возникновение в Средней Азии централизованных государств, таких как Бактрия, Парфия, Кушанское государство, Хорезм.

Несколько слов о Хорезме. Это древнее государство находилось между Средней Азией и Великой степью, то есть на стыке двух миров – кочевого и оседло-земледельческого, что определило напряженную, полную тревог жизнь его оседлых обитателей.

Обилие воды, плодородная земля и умеренный климат привлекали сюда издревле массы людей, которые, оседая и осваивая этот благодатный край, превратили его в прекрасный оазис, ставший центром древнейшей культуры, которую академик С.П. Толстов назвал «хорезмской цивилизацией». Среди памятников этой цивилизации особое место принадлежит дворцу Топрак-Кала, который создавался в III–IV вв. н. э. в низовьях Амударьи.

Здание было воздвигнуто на мощном цоколе, поднятом на двенадцатиметровую высоту. На нем в два этажа были расположены жилые и хозяйственные помещения, которые освещались через световые люки. Всего было около ста помещений, занимавших 6 тысяч квадратных метров. Общая площадь архитектурного шедевра, построенного, кстати, из глины, составляла 11 тысяч квадратных метров. Среди помещений были обнаружены громадные залы с порталами, опиравшимися на колонны, придававшие им парадный вид; «зал царей» (20 x 20 метров), в нишах которого были найдены глиняные фигуры людей в натуральную величину; «зал побед» с изображением сидящих царей и богини победы Ники; «зал оленей», «зал танцующих масок» и т. д. Но самым главным сокровищем Топрак-Калы оказались монументальные росписи и монументальная глиняная скульптура.

Жизнь в Хорезме концентрировалась вдоль рукотворных каналов. Каналы строились непрерывно, так что в годы расцвета цивилизации общая площадь орошения в низовьях Аму-

дарьи составляла 1,3 миллиона гектаров, что в четыре раза превышает орошаемую площадь современной Хорезмской области.

Новая волна завоевателей нахлынула на Среднюю Азию в VII в. н. э. В 651 г. арабы впервые появляются на среднеазиатских границах – под стенами Мерва, Герата и Балха. На этот раз они ограничились наложением контрибуции, но арабская агрессия этим не ограничилась: началась священная война – джихад против «неверных многобожников», которая на поверку вылилась в грабительские набеги с уничтожением человеческих жизней, пожарами, разграблением имущества. Планомерное и энергичное завоевание Средней Азии арабами началось в 708 г. под руководством Хорасана Кутейбы ибн Муслимы.

Новые завоеватели выгоняли жителей из домов и занимали их сами. Чтобы не было помех в исламизации и арабизации, арабы стали уничтожать культурное наследие народов Средней Азии: литературные памятники, письменные источники, произведения искусства. Бируни пишет: «И уничтожил Кутейба людей, которые хорошо знали хорезмийскую письменность, ведали их предания и обучали наукам, существовавшим у хорезмийцев, и подверг их всяким терзаниям, и стали эти предания столь скрытными, что нельзя уже было узнать в точности, что было с хорезмийцами даже после появления ислама»²³.

В Хорезмском оазисе после арабского нашествия не осталось ни одного города. Арабская тирания вызвала возмущение местного населения. С тяжелыми боями приходилось арабам брать каждый город, каждое селение. Интересно отметить, что, говоря о борьбе против арабов, средневековый автор Ат-Табари постоянно пишет о «тюрьках», которые участвовали почти во всех битвах с арабами.

Самым мощным антиарабским выступлением было восстание «людей в белых одеждах», или, как его обычно называют, «восстание Муканны», по имени руководителя. Оно началось в 776 г. Восстание охватило огромную территорию от Шахрисябза до Бухары. По своему размаху и цели восстание можно считать крестьянской войной. В долине Зеравшана на сторону Муканны перешло практически все население, то же самое случилось в Бухаре, молва о нем распространилась по всему региону. Арабы практически сохранили свою власть лишь в городах, где стояли гарнизоны.

Семь лет продолжалась борьба «людей в белых одеждах» с арабами. Для подавления восстания халиф послал десятитысячное войско. В конечном итоге арабы победили.

Арабы принесли с собой в Среднюю Азию ислам и феодальный способ производства в его восточной форме.

Прежде всего, речь идет о сильной централизованной власти в виде восточных деспотий, то есть власти практически неограниченной. Для поддержания такой власти был необходим многочисленный административно-карательный аппарат, включивший чиновников и военачальников всех рангов. Верховный правитель расплачивался с ними путем пожалования в пользование земель из государственного фонда, но эти земли не становились частной собственностью. В более позднее время все привилегии, а также обязанности перед верховной властью стали передаваться по наследству, собственником земли оставался верховный правитель.

На всем пространстве Средней Азии, занятом арабами, была введена единая система налогов – с населения собирали подушную подать (*джизню*) и поземельный налог (*херадж*). Землевладельцы (*дехкане*) сохранили за собой свою землю и недвижимость, но теперь они становились совладельцами земли, так как земля считалась собственностью Бога, именем Которого распоряжался наместник пророка на земле – халиф.

Арабы победили потому, что были более организованными и объединены единой верой, которую упорно и насильственно внедряли в умы побежденных, однако исламизация Средней Азии не была кратковременным процессом, но растянулась на века.

²³ Бируни А. Избранные произведения. Ташкент, 1957. С. 48.

По мере деградации Арабского халифата на завоеванных им землях в Средней Азии стали возникать полунезависимые государства, во главе которых оказывались либо военачальники, представлявшие халифат, либо местные правители, либо вожди кочевых племен. Так на протяжении VIII–XIII вв. появлялись и исчезали государства Сасанидов, Караханидов, Газневидов, Сельджукидов, Хорезмшахов, Ануштегенидов. С появлением этих государств происходило слияние интересов арабских халифов и местной знати. Арабы практически добровольно (после того, как убедились в невозможности силой подавить антиарабские выступления) предоставили им самостоятельность, добившись от них обязательств обеспечивать регулярное поступление в Багдад налогов, которые раз в год отвозило специальное посольство. Новые государства должны были заниматься распространением ислама, то есть делать то, в чем не преуспели арабы в течение почти ста лет, ведя изнурительные войны ради покорения среднеазиатских этносов.

Эпоха полузависимых среднеазиатских государств была временем расцвета ремесел, науки и культуры. Активно развивалась ирригационная система. В междуречье Амударьи и Сырдарьи производилось мыло, которое распространялось по всей Азии, выделялись дорогие ткани, в том числе шелковые и парча, кожа, меха, создавались искусно сделанные военные доспехи, мечи, медные котлы и медная посуда, ковры, иголки, ножницы, разнообразные головные уборы и предметы верхней одежды, наконец, знаменитая самаркандская бумага в мусульманских странах совершенно вытеснила папирус и пергамен. В текстильном деле широко применялось хлопковое волокно.

В это время в регионе резко изменилась языковая ситуация. Арабский язык становился языком науки и религии, а персидский – государственным и литературным. Древний язык местных этносов (согдийский) постепенно утрачивал свое значение, а затем и совсем исчез.

Мерв, Бухара, Самарканд, Ургенч приобрели славу мировых центров науки и культуры. Арабский язык дал возможность жителям Средней Азии познакомиться с достижениями греческой философии, а персидский – с поэзией и общественно-политическими трактатами. Особую известность как центр науки и культуры приобрела Бухара – в ее книжных лавках встречались и общались писатели и ученые, здесь в одной из таких лавок Ибн Сина нашел сочинение Фарамы, в котором излагалось учение Аристотеля. Во дворце эмира находилась одна из лучших библиотек того времени. Здесь провел молодые годы Ибн Сина, слагали стихи Рудаки и Дакаки, трудился историк Наршахи.

Ученые Средней Азии осваивали и развивали наследие греческой философии, арабской географии, персидской исторической науки, создавали собственные медицинскую и математическую школы. С именем Аль-Хорезми связано зарождение алгебры, его труды «Астрономические таблицы» и «Трактат о солнечных часах», переведенные на латинский язык, стали вехой в развитии математики и астрономии. «Медицинский канон» Ибн Сины был переведен на латинский язык в XII в., напечатан в Милане в 1473 г. и выдержал затем 30 изданий. В истории медицины имя Ибн Сины стоит рядом с именами Гиппократ и Галена, а его работы в течение 400 лет служили учебниками по медицине во всем цивилизованном мире. Аль-Бируни из Газни был выдающимся ученым-физиком, астрономом, математиком и историком. Омар Хайям, который обучался и преподавал в Мевре, внес немалый вклад в развитие алгебры. Правда, многим поколениям он известен как талантливый поэт-эпикурец, воспевавший любовь к жизни и женщинам, вину и друзьям, но научные занятия занимали его не меньше, чем поэзия. В это же время, то есть на заре второго тысячелетия от Рождества Христова, там же, в междуречье Аму-и Сырдарьи, создавал свою великую поэму «Шах-наме» поэт Фирдоуси.

Бухара стала чуть ли не столицей исламского мира.

Хорезм – отдельная тема. Это был цветущий оазис среди песков. Главным занятием жителей и правителей (*хорезмшахов*) Хорезма была торговля. Сохранился указ одного из

хорезмшахов XII в. Текеша, которым предписывалось одинаково справедливо относиться ко всем купцам – дальним и близким, тюркам и иноземцам, не препятствовать торговым сделкам, обеспечивать безопасность на дорогах, защищать товары и жизнь купцов²⁴. Хорошо организованная охрана дорог и караванных путей стимулировала развитие внутренней и внешней торговли. Есть сведения, что хорезмийские купцы со своими товарами доходили до Испании и Китая. Немалые выгоды приносила хорезмским купцам торговля с южнорусскими княжествами, откуда поступали меха, а также различные ремесленные изделия. В XII в. резко вырос объем торговли с Китаем. Практически лет на пятьдесят Хорезм стал важным пунктом в торговле всего мира с Китаем.

Развитие международной торговли стимулировало и развитие ремесленничества. В Хорезме оседали изделия ремесленников различных стран, и в то же время здесь появилось большое число собственных умельцев, чьи шедевры расходились по свету. В Хорезме можно было найти специалистов практически всех ремесленных профессий, известных средневековому миру.

Процветание Хорезма, как, впрочем, и всего Междуречья, было прервано нашествием монголов во главе с Чингисханом. Нашествие началось в 1219 г. Чингисхан брал один среднеазиатский город за другим. Монголы уничтожали жилые строения, замечательные памятники архитектуры, жителей беспощадно умерщвляли.

7 февраля 1220 г. монголы осадили «купол ислама», «город мира», «мать всех городов мусульман» – Бухару. Город сопротивлялся полмесяца, но, конечно, не мог устоять перед напором победителей Китая. Все имущество горожан было разграблено, женщин поделили между монгольскими воинами, а мужчин погнали в качестве вспомогательной силы на штурм Самарканда. После этого Бухару сожгли дотла, все здесь было уничтожено, и еще долгие годы путник, забредший сюда, находил на месте «купола ислама» груды развалин.

Очень скоро, в том же году наступила очередь Хорезма. Так столица хорезмшахов Гургандж после долгой осады был разгромлен и сожжен. Для того чтобы уничтожить всякие следы города, монголы разрушили плотину на реке и затопили город. Погиб цветущий город, его богатые библиотеки, памятники архитектуры. На долгие годы жизнь ушла из Гурганджа. С падением Гурганджа прекратило существование государство хорезмшахов. Средняя Азия стала частью огромной империи Чингисхана.

Социально-экономическая жизнь в регионе восстановилась быстро. На месте развалин, в которые были превращены некогда цветущие города, появились заново отстроенные. Самарканд, Бухара, Ургенч, Шаш, Отрар вновь стали центрами ремесленного производства и торговли. Землевладельцы, купцы и мусульманские священнослужители нашли общий язык с завоевателями и установили с ними вполне деловые отношения. Они стали получать от монгольских правителей особые грамоты (*ярлыки* и *пайцзы*), дающие право принуждать крестьян и ремесленников к исполнению различных повинностей: предоставление ночлега проезжим монгольским должностным лицам, а также воинам и многочисленной челяди новых правителей. Кстати, монголы сохранили прежних правителей и их привилегии, заставив служить им в качестве наместников.

Взаимопониманию между завоевателями и завоеванными послужило обращение в мусульманство монгольских ханов. Первым из монгольских властителей принял ислам хан Мубарекшах (1264). В начале XIV в. практически все монгольские правители принимают ислам, что способствует укоренению среди населения мусульманских обрядов и традиций. В Хорезме местная тюрко-монгольская династия Кунград начинает чеканить монету с надписью «Власть принадлежит Богу» без имени правителя, что свидетельствует о возобладании исламской теократической нормы. По распоряжению Чингисхана на территорию Средней Азии

²⁴ См.: Бунятов З.М. Государство хорезмшахов-ануштегенидов. М., 1986. С. 127.

переселилось несколько монгольских племен, что должно было укрепить власть завоевателей. Монголы стали смешиваться с местным населением.

Почти через полтора столетия после появления на просторах Средней Азии полчищ Чингисхана жители региона узнали нового грозного завоевателя, который, кстати, родился близ Шахрисябза, то есть был местным уроженцем. Тимур родился 9 апреля 1336 г., принадлежал к племени барласов, которое задолго до его рождения было поселено в этих местах Чингисханом и за столетие успело ассимилироваться, то есть тюркизировалось. Тимура, очевидно, можно считать монголом лишь условно, тем более что он говорил на тюркском языке и знал персидский, хотя писать не умел.

В молодом возрасте Тимур включился в междоусобные войны, которые вели главы племен и правители некоторых областей. Тимур добился верховной власти над всем регионом. Свои войны Тимур вел с исключительной жестокостью, перед которой бледнеют злодеяния Чингисхана. Правление Тимура отрицательно сказалось на судьбе народов Средней Азии. Ни блестящие постройки в Шахрисябзе и Самарканде, которые он любил, ни расцвет ремесел и торговли в этих городах, ни крупные оросительные работы, которые производились при нем, не могут оправдать уничтожения сотен тысяч людей, разорения богатых и культурных стран, разграбления городов, что надолго подорвало жизненную силу завоеванных Тимуром областей.

Тимур так и не смог привыкнуть к оседлой жизни. Обычно он останавливался на несколько дней или недель во дворце, своем или захваченном, а затем опять переезжал в походный лагерь. Вместе со своим двором он передвигался с кочевой ордой, меняя летние пастбища на зимние и наоборот. В удобных местах к нему присоединялись жены и дети. В походных шатрах он принимал послов, которые были вынуждены поспешать за ним и догонять его там, где он останавливался лагерем.

Все захватнические и грабительские походы Тимура имели идеологическое обеспечение – это были «священные» войны ради торжества ислама и сокрушения неверных. Тому, кто сражался и умирал за «правое» дело, было гарантировано беспрепятственное попадание в рай. Великий хан умело использовал мусульманскую веру для упрочения своей деспотической власти. На дворце, воздвигнутом в Шахрисябзе, было начертано: «Султан – тень Аллаха на земле». Походная мечеть сопровождала его повсюду, молитвенные ритуалы соблюдались неукоснительно. Свято соблюдался пост — *ураза*, который заканчивался пышным празднеством.

При всем том на самом деле «священные» войны велись идолопоклонниками и шаманистами против мусульман. Тимур использовал в своих интересах противоречия между мусульманами различных толков – шиитами и суннитами. С благословения шейхов он вел свои орды против христиан, потому что они не были мусульманами, а мусульман резали за то, что они не были истинными мусульманами. Так, в Мазендаране мусульман перебили за то, что они были шиитами, а Дамаск был предан разграблению и разрушению за то, что его население выступало против шиитов.

Выше говорилось, что завоевательные войны Тимура отличались особой, пожалуй невиданной ранее, изощренной жестокостью. Расчет делался на то, что молва о чудовищной по своей трагичности участи очередного захваченного города или целой области быстро разнесется по округе и устрасит соседей, парализует их волю к сопротивлению.

В Исфизаре, недалеко от Герата жители подняли восстание против гарнизона Тимура и перебили его. Подавив восстание, Тимур приказал отобрать две тысячи пленников, сложить их живыми друг на друга и зацементировать слоем глины и кирпича, чтобы воздвигнуть башню как напоминание о необходимости безропотно подчиняться воле властителя. «Башня» простояла сто лет.

После подавления восстания в Исфагане Тимур приказал уничтожить всех его жителей до единого. Все участники побоища получили задание принести определенное число голов местных жителей. Специальные чиновники вели учет. Те воины, которые не смогли отрубить

необходимое число голов, покупали головы у более расторопных. Вначале головы исфаганцев шли по 20 динаров за штуку, но позже цена упала до полудинара. В городе из обезглавленных трупов соорудили горы, а за городом из 70 тысяч голов сложили высокие минареты. Это изощренное злодеяние произошло в середине 1387 г. Тимуру в том году исполнился 51 год.

Один из очевидцев зверств воинов Тимура арабский автор Арабшах рассказывает о пытках, которым подвергались вовсе не пленные враги, а недавние соратники великого воителя, провинившиеся чем-либо перед своим господином: «Им брили головы, резали шеи, выкручивали руки, срезали лопатки, сжигали печень, опаляли лица, выдавливали глаза, вспарывали животы, отрезали языки, делали глухими, раздирали носы и рты до ушей, рвали сухожилия, выпускали из тела кровь, наносили другие увечья»²⁵.

Тимур был, несомненно, человеком талантливым, и не только по части изобретения изощренных зверств, он был талантливым полководцем. Используя монгольскую военную традицию, берущую начало со времен Чингисхана, он создал сильнейшую по тем временам армию, которая завоевала для него обширные пространства. В этой армии на первом месте стояли порядок и беспрекословная дисциплина подчинения низших высшим. Высшее командование он доверял только членам своего рода барласов.

Всякий свой поход он тщательно готовил, изучал противника и его боевой потенциал. Для этого у него была организована прекрасная разведка.

Так, когда Тимур готовился к походу в Индию, он хорошо изучил не только пути движения войска, но и специфику индийской армии, ее тактику. 15 декабря 1398 г. Тимур торжественно въехал в Дели.

Армия Тимура была фактически кочевой ордой. Кочевые племена шли в поход с семьями и домашним скарбом. В поход шли и бедные пастухи со своими юртами и верблюдами, и их предводители с богато отделанными шатрами, женами и прислугой, торговцы и ремесленники, шорники, кузнецы, медники, оружейники. Лагери этого войска бывали столь же шумными, как и города в базарный день: скрипели колеса, кричали погонщики верблюдов и торговцы, гремел металл в мастерских, выли трубы. Кочевники были великолепными всадниками и стрелками из луков. Оседлое население поставляло пехотинцев и рабочих, которые использовались на осадных работах. Прекрасная организация войска и тщательная подготовка сражения были залогом его побед, а он почти всегда был победоносен.

Нельзя говорить о Тимуре только как о разрушителе – он был и созидателем, однако практически все его созидательные усилия были направлены на строительство и украшение его любимого города, его столицы – Самарканда.

Все караванные пути сходились в Самарканде. Город стал перекрестком Азии, центром континента; средневековые географы и историки делили Азию в зависимости от расположения к нему. По замыслу Тимура Самарканд должен был достойно представлять его, могущественного властителя могущественной империи.

Самарканд должен был стать самым красивым городом мира. Здесь воплощались все самые честолюбивые мечты беспощадного завоевателя. В сравнении с его столицей все другие мировые столицы должны были выглядеть жалкими деревушками. Дабы выразить эту идею, вокруг Самарканда были построены небольшие скромные поселения, которые получили названия. Багдад, Каир, Дамаск, Шираз, Султанья и даже Париж (Фариш в местном произношении).

В поверженных государствах Тимур забирал ученых, художников и ремесленников. Тысячи ремесленников с семьями были вывезены в Самарканд. Иран поставлял «художников», каллиграфов, грамотеев для преподавания в медресе, музыкантов, зодчих и строителей. Из Сирии Тимур вывез шелкомотальщиков, оружейников, стеклодувов. Из Малой Азии пригнали

²⁵ Там же. С. 153.

оружейников, умельцев, работавших с драгоценными металлами, каменщиков, изготовителей канатов. Из Индии доставили ювелиров, мастеров по металлу, каменщиков.

Соответственно, в ограбленных странах или городах наступало оскудение в различных областях знания, прерывались культурные и технологические традиции. Так было в Древней Руси, из которой эмиссары Золотой Орды на протяжении двух столетий вывозили способных умельцев, что стало причиной упадка, например, строительного мастерства. Построенный русскими строителями в середине XV в. в Кремле Успенский собор в скором времени развалился, так как при строительстве были нарушены технологические нормы, и тогда великому князю Ивану III пришлось звать для строительства нового собора и крепостных стен мастеров из Италии.

Итак, Тимур ограбил (в самом широком смысле слова) все завоеванные им страны и народы, однако их дальнейшая судьба его нисколько не заботила (пусть побежденный плачет), зато Самарканд и еще несколько городов междуречья Аму-и Сырдарьи расцвели на глазах. Одно за другим воздвигались культовые сооружения – мечети, медресе, мавзолеи. Здания и другие строения сооружались из жженого кирпича и были отделаны декоративной плиткой.

Была восстановлена древняя цитадель Самарканда – Гек-Сарай (Голубой дворец), который использовался для хранения казны, а также как тюрьма. В цитадели размещались архивы, монетный двор, собрание редких и дорогих предметов, арсенал, а также личное имущество Тимура. Весь Самарканд был полностью реконструирован.

К концу жизни Тимура его империя, основанная на развалинах, костях и страхе, простиралась от Кашмира до Средиземного моря и от Аральского моря до Персидского залива. Он еще намеревался завоевать Китай, но не успел – «император века», «завоеватель мира», «хозяин Корана», «властитель благоприятных созвездий» (все эти титулы Тимуру присвоило льстивое и верноподданническое окружение) 18 февраля 1405 г. скончался в заснеженной и морозной степи в начале похода в Китай.

«Войны и завоевания Тимура, – писал в 1990 г. известный узбекский историк Г.А. Хидоятов, – нанесли огромный ущерб развитию завоеванных стран и надолго оставили недобрую память. Его правление отрицательно сказалось и на развитии производительных сил Средней Азии, так как все материальные и трудовые ресурсы были сосредоточены на войнах да на строительстве дворцов и гробниц. Он укрепил также позиции феодализма и его духовного покровителя – ислама, уничтожив возможность какого-либо альтернативного пути развития. Со времен Тимура в Средней Азии на долгие века установилось владычество объединенной тирании восточного деспотизма и мусульманского мракобесия, которое обрекло народы этой цветущей страны на длительный застой, реакцию и упадок производительных сил»²⁶.

Справедливость этого заключения до недавней поры казалась бесспорной. История долго переваривает события минувшего, изучает факты, обнаруживает новые, сопоставляет суждения, взвешивает все за и против, находит и меняет углы зрения, учитывает конъюнктуру. Чем больше проходит времени, тем больше шансов на объективность окончательного исторического вывода.

С момента кончины Ужасного хромца (Тимур-ленк, то есть хромой Тимур, его раннее прозвище) минуло шесть столетий – достаточный срок, чтобы составить суждение об исторической личности.

Существует, кстати, веское свидетельство справедливости приведенного выше мнения: ни один из прославленных поэтов Востока за все прошедшие 600 лет никогда не вспомнил Тимура Завоевателя добрым словом и не посвятил ему ни строчки своих стихов, ни один из ученых или поэтов Средней Азии никогда не пытался связать его имя с процветанием своей родины. И тем не менее.

²⁶ Хидоятов Г.А.. Моя родная история. Ташкент, 1990. С. 180.

В середине 90-х гг. прошлого века в независимом Узбекистане, в центре столичного города Ташкента появился большой конный памятник Тимуру. Всадник вздыбил коня, призывно вскинув руку. Куда-то зовет? Неужели грабить и убивать?

В сущности, дело понятное: молодые государства, возникшие неожиданно-негаданно на просторах распавшегося Союза Советских Социалистических Республик, давно или никогда не имели собственной государственности и испытывают дефицит национальной героики. Поэтому героем становится гетман Мазепа, клятвопреступник, предавший сначала польского короля, а затем русского царя. Но все же лучше Тимура.

После смерти Тимура началась обыкновенная история: его многочисленные потомки Тимуриды, могущественные правители областей, фактически удельные князья, а также богатые феодалы затеяли большую междоусобную войну, в которой призом была верховная власть в империи. Великая смута длилась почти сто лет. В течение этого времени, опять же как всегда, были перебиты наследники Тимура, знатные персоны, пострадали их семьи и сотни тысяч ни в чем не повинных людей, главным образом земледельцы.

В огне и дыму междоусобных сражений, когда всякая жизнь висела на волоске, когда не осталось даже видимости какого-либо закона или обычая, тем не менее поразительным образом гуманистические традиции развития науки и культуры, заложенные в прошлые века, сохранились в XV – начале XVI в. Наиболее яркими последователями этих традиций были Улугбек и Алишер Навои. Естественно, они были не одни – у них были соратники и ученики.

Внук Тимура Улугбек родился 22 марта 1394 г. в городе Султания (Ирак) во время второго похода его деда на Иран. Обычно грозный повелитель оставлял свой обоз в этом городе. В Султанлии оставались его жены, дети и другие близкие родственники.

В 15 лет Улугбек стал правителем Самарканда, а затем и всего Междуречья. 40 лет Улугбек правил этой частью тимуровской империи, которую рвали на куски. Время правления Улугбека называют благословенной эпохой. Внутренняя политика Улугбека резко отличалась от политики его предшественников. Он стремился облегчить положение прежде всего земледельческого населения: земельные подати были сокращены до минимума. Сокращение поступлений от крестьянства Улугбек стремился компенсировать увеличением *тамги*, то есть сборов с ремесленников и торговцев, нажив таким образом в их лице недоброжелателей.

В историю Улугбек вошел прежде всего как строитель астрономической обсерватории в Самарканде, которая не имела себе равных как по оснащению, так и по научным достижениям. В обсерватории был создан каталог, который включал 1018 звезд.

Двор Улугбека в Самарканде стал блестящим собранием лучших умов Средней Азии. Самым ярким представителем этой плеяды был, несомненно, ученик и друг Улугбека Али Кушчи Самарканди (1403–1474), которого в окружении правителя сравнивали с Птолемеем.

Самарканди был автором геометрического трактата, в котором излагались основы этой науки, давалось определение таких понятий, как точка, линия, плоскость, окружность. Автор трактата был философом, считавшим, что мир состоит из материальных частиц, находящихся в состоянии непрерывного движения.

При дворе Улугбека сложилась своеобразная историческая школа.

Как истинный человек Ренессанса, Улугбек имел разносторонние интересы и имел глубокие знания в различных областях. Не мог он не быть и поэтом и не покровительствовать поэтам и поэзии. Он прекрасно знал персидскую поэзию, особенно ценил творчество Низами. Естественно, что поэты тоже входили в его ближайший круг.

В то же время Улугбек был Тимуридом, прямым потомком создателя империи, а потому не мог стоять в стороне, если бы даже захотел (а он явно хотел), от участия в борьбе за наследство своего деда. Он водил воинов в походы (большей частью неудачные), разорял и жег города, не щадил побежденных. И погиб он в 1449 г., подобно другим своим родичам, от рук наемного

убийцы, «услуги» которого оплатил его родной сын Абдулатиф. Кстати, та же участь постигла и самого Абдулатифа всего через пять месяцев после гибели отца – ему отрубили голову.

Другой вершиной культурной жизни на пространстве, объединенном завоеваниями Тимура, был Алишер Навои (1440–1501) – философ, поэт и политик. Навои жил в Герате и состоял визирем при султানে Хусейне Байкаре, который властвовал над обширным владением, простиравшимся от Герата до Хорезма. Байкара был просвещенным правителем и покровительствовал своему талантливому и необычному для смутного времени премьер-министру. Покровительство своего патрона и друга Навои использовал с максимальной пользой, притом что и сам он был весьма состоятельным человеком. Свое положение и возможности Навои использовал ради украшения и благоустройства Герата, а также других городов султаната. С его именем связано строительство не только дворцов, мечетей, медресе, мавзолеев, но и многих общественных сооружений: бань, больниц, бассейнов, мостов. По его инициативе и частично на его средства было возведено свыше 300 зданий различного назначения.

Навои был покровителем и вдохновителем творчества многих музыкантов, художников, каллиграфов, зодчих, поэтов.

Алишер Навои в Узбекистане считается основоположником узбекской поэзии. Свои стихи (газели) он слагал на тюркском языке и на фарси. Его перу принадлежат знаменитые «Чор диван» (четыре сборника, включающие тысячи газелей) и «Хамса» («Пятерица»). Навои был поэтом-философом.

Как действующий политик и государственный муж, Навои осуждал войну, как тяжкое преступление, заслуживающее не только порицания, но и наказания.

Грешно стоять в ту пору в стороне,
Когда ты можешь помешать войне.
Но коль зачинщик, поднимая рать,
Не хочет слову разума внимать,
Коль будет он стремиться все равно
К тому, что совестью запрещено,
Тогда сам Бог велит – бери свой меч,
Чтоб разом когти хищнику отсечь.

А. Навои. Стена Искандера

Пацифистом Алишера не назовешь – это активная антимилитаристская позиция.

Стихи и поэмы Навои в списках через сказителей и народных поэтов распространялись по всей Средней Азии и хоть чуточку делали людей лучше, хотя бы единицам западали в душу в то время, когда нравственность достигала нулевой отметки.

Позволю предположить, что послетимуровский период, то есть в XV – начале XVI в. в Средней Азии, как и на Руси того же времени, пробивались первые ростки Ренессанса. Уже утвердившийся в Италии Ренессанс начал завоевывать позиции в континентальной Европе, приближаясь к берегам островной Англии. Но там стал триумфатором, а в Московском государстве и Средней Азии захирел. Улугбек и Навои практически не имели последователей.

В начале XVI в. империя Тимура потерпела крах. Она не имела прочных внутренних скреп; ее правящий класс, состоявший из эмиров, беков, военачальников, аристократов различных рангов и крупных землевладельцев, не был готов выполнить роль цементирующей державу субстанции. Ни одна держава, очевидно, не смогла бы пережить столетнюю смуту, междоусобицы и не развалиться. Были и другие причины.

В Средней Азии не сформировался класс буржуазии, который был локомотивом успешной модернизации Европы, покончил с междоусобицами и с самим феодализмом, преодолел феодальный застой.

Кроме того, были и внешние причины деградации региона. В 1453 г. турки-османы захватили Константинополь, уничтожили Византийскую империю, подчинили себе весь Ближний Восток, оккупировали средиземноморские порты, через которые шла перевалка грузов, поступавших на Великий шелковый путь, а равно и с него. Турция стала главным врагом Европы, а значит, порты Средиземного моря для европейцев стали недоступны. Торговля, как вода, всегда находит обходные пути. В 1499 г. португальский мореплаватель Васко да Гама, обогнув мыс Доброй Надежды, открыл путь в Индию и Китай. Морской путь в Персию, Индию и Китай оказался более дешевым, более скоростным, хотя и не менее опасным (штормы), но в конечном счете все равно более выгодным. Караванные пути через Среднюю Азию постепенно утратили свое значение, а вскоре перестали функционировать: похоронил песок. Средняя Азия лишилась своего главного источника доходов, тем более что внутренняя торговля хирела и почти заглохла из-за феодальных междоусобиц. Ремесленное производство в отсутствие конкуренции застыло в своем развитии, так и не достигнув мануфактурной стадии. Хирело и купечество.

Для кого война, а для кого мать родная. Так было во все времена. Так случилось и в Средней Азии в годы столетней смуты. Эта смута позволила упрочить свое положение и влияние феодальному сословию.

Извлекли выгоду из перманентной войны и неразберихи люди духовного звания.

При Тимуре и особенно после него, в эпоху борьбы тимуридов за власть, возвысилось и экономически окрепло духовное сословие – мусульманские священнослужители, но более всего так называемые *дервиши*, бродячие проповедники. Самое большое влияние в Средней Азии в XIV–XV вв. приобрел монашествующий орден *накшбендиев*.

Основателем дервишского ордена накшбендиев был уроженец Бухары Бехаддин Накшбенди, современник Тимура (1317–1389). Идейной основой ордена стал *суфизм* (дервишизм). Суфизм получил широкое развитие в исламе с IX в. Суфизм от арабского слова «суф», то есть шерсть; суфий – человек, носящий власяницу, сермягу. Дервиш – открывающий дверь, переступающий порог на пути к Богу, мистик; в переносном смысле – нищий, бродяга, бедняк. Для внутренней организации суфийских орденов, для ордена накшбендиев в том числе, характерна строгая духовная иерархия. Существует несколько стадий, или ступеней, приближения суфиев к Богу. Большую роль в суфизме играют требования исполнения ритуальных обрядов, различных магических действий вроде произнесения заклинаний и поминаний.

Орден накшбендиев добился огромного влияния в Самарканде, Балхе, Герате, Мерве, Хиве, восточной части Ирана, Турции. Все удельные властители щедро помогали дервишам ордена, надеясь с их помощью завоевать популярность и поддержку в борьбе против соперников. Широким потоком лились пожертвования.

Официальные священнослужители умело использовали религиозный экстаз, в который приводили общество дервиши. И те и другие были активными противниками не только каких-либо политических и социальных перемен, но и всякой модернизации в любой сфере. В то время, когда в Европе брали верх возрожденческие тенденции, на Востоке, в Средней Азии в частности, торжествовала религиозная реакция. В междуречье Аму-и Сырдарьи, некогда самой экономически развитой и богатой традициями просвещения и культуры области Древнего Востока, воцаряются невежество и бедность.

«Библиотеки Самарканда, Ташкента, Ферганы, Хивы и Бухары, – пишет историк, – были разорены, пришли в запустение, а отчасти безвозвратно погибли в результате господства исламского деспотизма, феодального невежества и монархической тирании. С этих времен сохранились мечети, медресе, гробницы святых и башни, с которых сбрасывали преступников, вольнодумцев и еретиков. Среднеазиатские правители перестали писать стихи и исторические мемуары. Не составляли астрономических таблиц, как это делали их просвещенные предки,

но ежедневно в строго определенные часы спешили к намазу, а по возвращении предавались низменным забавам, особое место среди которых отводилось казням»²⁷.

Как бы ради довершения деградации региона в конце XV в. в оазисы Междуречья вторглись племена кочевых узбеков, которые разрушили то, что еще можно было разрушить.

В XVI–XVII вв. в той части бывшей империи Тимура, которая находилась в Средней Азии, в том числе в междуречье двух великих рек, царили беззаконие, упадок культуры и бедность в обрамлении феодальных распрей, религиозной нетерпимости и ханжества. В нашем расположении имеются свидетельства очевидца состояния региона, английского купца Энтони Дженкин-сона, человека не только отчаянно смелого (склонного к экстриму – по-нынешнему), но умного и наблюдательного.

Итак, несколько отрывков из отчета Э. Дженкинсона о его путешествии в Среднюю Азию в 1558–1560 гг., написанного для купцов Московской компании в Лондоне.

«Апреля 1558 г., получив от русского царя грамоты к различным царям и государям, через владения которых придется проезжать, я выехал из Москвы водой, имея с собой двух ваших служащих, а именно Ричарда Джонсона и Роберта Джонсона, и татарина толмача, с тюками различных товаров»²⁸.

К началу сентября англичане добрались до восточного берега Каспийского моря, до полуострова Мангышлак. Они высадились на берег, погрузили товары на купленных у местных жителей верблюдов и двинулись в путь. В самом начале наземного путешествия Дженкинсон и оба Джонсона познакомились с местными нравами: «Мы выехали 14 сентября из этого места караваном из 1000 верблюдов (груз, видимо, был объемный и тяжелый. – Е. Г.). Проехав пять дней, мы вступили во владения другого государя, и навстречу нам по пути подъехали несколько хорошо вооруженных татар (конечно, это были не этнические татары, просто так в Западной Европе было принято называть все этносы, проживающие восточнее восточной границы Московского царства. – Е. Г.), находившихся на службе этого государя по имени Тимур Султан, правителя названной страны Мангышлак. Эти татары остановили наш караван именем своего государя, вскрыли наши товары и забрали безденежно для своего государя все вещи, какие они сочли наилучшими»²⁹. Проще сказать – ограбили. Но англичане были люди богатые, то есть кое-что на верблюдах осталось, и они двинулись дальше.

14 октября караван дошагал до города Ургенча, бывшего когда-то жемчужиной Хорезма. «Город Ургенч, – продолжает Дженкинсон, – стоит на равнине и обнесен земляными стенами окружностью около четырех миль. Здания также земляные, но разваливающиеся и в беспорядочном состоянии; одна длинная улица крыта сверху: она служит им рынком. Четыре раза за семь лет город переходил из рук в руки вследствие междоусобных войн, поэтому в нем очень мало купцов и те очень бедны; во всем городе я смог продать только четыре куска караеи. Главнейшие товары, которые здесь продают, – это те, которые привозят из Бухары или из Персии, но их так мало, что не стоит и писать»³⁰.

Путешественники покинули Ургенч и двинулись дальше в глубь страны, расположенной между двумя великими среднеазиатскими реками. 15 декабря на караван напали разбойники. «Когда воры приблизились к нам, мы увидели, что их всего 37 человек, хорошо вооруженных луками, стрелами и саблями, а начальник их – князь, изгнанный из своей страны. Они предложили нам сдаться, обьявив, что иначе мы будем убиты; это вызвало в нас только презрение. Тогда они стали стрелять в нас залпами, на что мы отвечали очень горячей стрельбой. Так мы продолжали сражение с утра до двух часов после заката солнца, причем обе стороны потеряли

²⁷ Там же. С. 197.

²⁸ *Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 167.*

²⁹ Там же. С. 144.

³⁰ Там же. С. 177.

убитыми и ранеными людей, лошадей и верблюдов; не будь у меня и моих товарищей ружей, которые мы пустили в дело, они нас одолели бы и уничтожили»³¹.

Таким образом, технический прогресс (огнестрельное оружие) сделал свое дело. К этому времени Запад не намного опережал Восток в технике, но уже опережал.

Тем не менее противостояние на этом не закончилось. Предводитель разбойников потребовал от караван-баши (начальника каравана) выдать неверных, то есть христиан, иначе он готов был привести подкрепление и всех уничтожить. Спутники англичан, мусульмане, не захотели больше сражаться, и Дженкинсону пришлось откупиться – снова отдать часть своего имущества.

23 декабря путешественники прибыли в Бухару.

«Бухарская страна была когда-то под властью персов, и теперь еще в ней говорят на персидском языке; однако теперь Бухара – независимое королевство, которое ведет жесточайшие религиозные войны с персами, хотя все они магометане.

Бухарский король не имеет ни большого могущества, ни богатства; его доходы очень невелики; содержится он главным образом на счет города: он взимает десятую деньгу со всех предметов, продаваемых как ремесленниками, так и купцами, что ведет к обеднению всего народа, который он держит в большом подчинении, а когда у него не хватает денег, он посылает своих чиновников по купеческим лавкам забирать товары для уплаты своих долгов и насильно требует, чтобы ему оказывали кредит.

Деньги у него серебряные и медные, золота вовсе нет в обращении. Цену же серебра король поднимает и снижает для своей прибыли каждый месяц, а иногда даже два раза в месяц; он не печалится об угнетении народа, так как не рассчитывает царствовать более двух или трех лет, когда его или убьют, или изгонят. И все это сильно разоряет страну и купцов.

В городе Бухаре бывает ежегодный съезд купцов, приезжающих караванами из прилегающих стран – Индии, Персии, Балха, России и разных других, а в прежние времена и из Китая, когда оттуда можно было свободно проехать; но эти купцы нищенски бедны, привозят так мало товаров, которые вдобавок еще лежат здесь по два или три года, что нет никакой надежды на то, чтобы завести здесь выгодную торговлю, стоящую дальнейших усилий»³².

Таков был неутешительный вывод храброго и предприимчивого британского негодника.

Отчет Дженкинсона содержит особо интересные для нас сведения о торговле и взаимоотношениях России с государствами Средней Азии в XVI в. Он пишет: «Русские привозят в Бухару сырые кожи, овчины, шерстяные материалы, деревянную посуду, уздечки, седла и т. п., а увозят отсюда разные изделия из хлопка, различные сорта шелка, материи и другие вещи, но размеры торговли очень малы»³³.

Еще одно очень интересное сообщение автора доклада: «Бухарский митрополит (очевидно, какое-то важное лицо из среды мусульманских священнослужителей. – Е. Г.) взял у меня грамоты русского царя, без которых меня обратили бы в рабство»³⁴.

Из этих слов можно заключить об авторитете, которым пользовался в тех краях Иван Васильевич Грозный после своих недавних побед на берегах Волги: силу уважали.

8 марта 1559 г. англичане с большим караваном (600 верблюдов) покинули Бухару, и вовремя это сделали. «Если бы мы не выехали из Бухары в этот срок, – продолжает автор, – я и мои товарищи подверглись бы опасности потерять и жизнь, и товары, ибо через 10 дней после нашего отъезда самаркандский король пришел с войском и осадил названный город Бухару, в

³¹ Там же. С. 180.

³² Там же. С. 182–184.

³³ Там же. С. 184.

³⁴ Там же. С. 185.

то время как бухарский король был на войне против другого государя, своего родича, как это бывает в этих странах каждые два или три года»³⁵.

Дженкинсон достойно выполнил свою миссию, оказав услугу не только своей компании, но также русскому царю и некоторым местным владетелям. Он освободил 25 русских, которые уже долгие годы находились в рабстве в Бухаре, и взял с собой, пообещав покровительство шестерым посланникам к Московскому двору от среднеазиатских ханов и эмиров. «Я обещал им, – пишет Дженкинсон, – что в России с ними будут хорошо обращаться и позволят им безопасно выехать оттуда, соответственно тому, что царь написал в своих грамотах; у них было некоторое сомнение, потому что долгие годы перед тем никто не ездил из Татарии в Россию»³⁶.

Очевидно, с легкой руки англичанина дипломатические отношения между Москвой и среднеазиатскими землями возобновились.

* * *

На протяжении трех столетий (с XVI по XVIII в.) в хаосе междоусобных войн формировались более или менее устойчивые государственные образования – Хивинское и Кокандское ханства, Бухарский эмират. Основателями этих государств были узбекские племена, которых насчитывалось 92. Каждое из этих племен, населявших эти государства, занимало свою определенную территорию со своими пастбищами и полями, а также укрепленными пунктами, являвшимися одновременно и резиденцией главы племени. У этих племен сохранились пережитки первобытно-общинного строя, свойственные кочевым и полукочевым этносам. Почти в неизменном виде сохранялись не только этнические черты (племенные диалекты, традиции, родовые связи), но и их социальная структура. Племена постоянно конфликтовали между собой, что вызывало частые миграции племен или отдельных родов. Несмотря на разные государственные объединения, в которых оказались узбекские племена, можно говорить о формировании этнической общности, ставшей впоследствии узбекским народом.

Хивинское ханство возникло в XVI в. с приходом сюда полукочевых узбекских племен. К концу XVI в. оседлое узбекское население составляло 65 процентов, 26 процентов составляли туркмены, остальные 9 процентов приходились на долю казахов и каракалпаков. Узбеки сплошным массивом заселили северную половину хорезмского оазиса, расположившись в основном в дельте Амударьи. Всего в пределах ханства насчитывалось до 20 узбекских племен.

Большой ущерб экономическому и культурному развитию Хорезма нанесли междоусобицы царевичей Тимуридов. Немалый ущерб причинило также изменение русла Амударьи в начале XVII в., в результате чего пришлось переносить главный город страны Ургенч на новое место. Вследствие того же явления (изменение русла реки) столицу ханства пришлось перенести в Хиву.

Хива была одним из древнейших городов Хорезма, являлась богатым торговым центром Средней Азии, жемчужиной среднеазиатского строительства. И даже сейчас, спустя сотни лет после своего основания, ее медресе, дворцы и мечети поражают монументальностью, изяществом линий, яркостью колорита. Стройные башни, цветные глазурованные кирпичи минаретов, величественные мавзолеи с майоликой порталов и монументальными бирюзовыми куполами, неповторимая красота орнамента с белыми узорами на синем фоне создали впечатление сказочного восточного города.

Основной рабочей силой при строительстве этих блестящих сооружений были рабы – рабство до 1873 г. было вполне официальным институтом. В этом отвратительном деле спе-

³⁵ Там же. С. 186.

³⁶ Там же.

циализировались туркменские племена, для них оно стало источником существования. Туркмены совершали длительные рейды на территорию Ирана, Афганистана и уводили в рабство целые селения. Так они практически уничтожили либо угнали в рабство население Бадахшана – исторической области, оставив ее безлюдной. По некоторым сведениям, только в течение XIX в. число угнанных в рабство составляло миллион человек³⁷.

Кокандскому ханству достались владения узбекского племени *минг*, которые располагались в центральной части Ферганской долины. Предводитель племени Шахрухбий, род которого проживал в окрестностях нынешнего Коканда, был провозглашен племенной знатью правителем Ферганы в 1709 г. и стал основателем династии кокандских ханов, которая просуществовала до 1875 г.

В этническом отношении состав ханства был пестрым – ведущее положение занимали минги, за ними, по своему влиянию на внутреннюю политику, следовали *таджики* составлявшие основу ханской гвардии, затем шли *кипчаки* и *киргизы*.

Тюркоязычный этнос кипчаки в Средние века был известен в Древней Руси под именем *половцев*, которые кочевали в южнорусских степях и постоянно враждовали с русичами. В Европе их называли *куманами*. В XX в. кипчаки были включены в состав узбекской и киргизской наций.

Как и в других среднеазиатских ханствах, заметную роль в политической жизни Коканда играло духовенство, но еще более значительным весом обладал дервишский орден накшбениев. С 1844 по 1869 г. Хозрати-Сахиб, халиф ордена, фактически был главной политической фигурой ханства. Судьями в Кокандском ханстве были только священнослужители.

Борьба за власть была характерна для всех трех государств Средней Азии, возникших на развалинах империи Тимура, но в Кокандском ханстве она приобрела долговременную и ожесточенную форму. Безжалостно истреблялись малолетние царевицы, ханы, беки, их жены, придворные. Достаточно сказать, что приблизительно за два столетия из 15 правивших ханов шесть были убиты в результате дворцовых переворотов, десятки царевиц, сотни сановников и военачальников были уничтожены, причем самыми зверскими способами.

Другой особенностью Кокандского ханства было наличие сильной военной знати. Государство было разделено на 15 бекств, подобных военным округам, которые одновременно были и административными единицами. Управляющие бекствами (*беки* и *хакиды*) одновременно являлись воинскими начальниками, командовавшими войсками, расквартированными в округе. Как правило, беками и хакимами назначались сыновья или близкие родственники хана. В наиболее благополучные со всех сторон годы хан был в состоянии собрать до 60 тысяч воинов, и ханы Коканда тяготились присутствием в государстве воинственного племени кипчаков, а потому, чтобы избавиться от их влияния, они пытались набирать в элитные части представителей не местных этносов. Так, большая часть гвардейцев состояла из горных таджиков и выходцев со Среднего Востока. В 1805 г., например, из этих чужеземцев было сформировано несколько кавалерийских частей, общей численностью до 10 тысяч сабель, ставших главной опорой хана. Они содержались за счет ханской казны и не подчинялись ни одному из хакимов.

Хакиды обладали всей полнотой власти: назначали чиновников и сборщиков податей, устанавливали размеры налогов, распоряжались финансами, командовали войсками. Самым крупным из округов был Коканд с окрестностями, а самым важным – Ташкент, куда хан назначал управителями самых доверенных лиц.

Выгодное географическое положение сделало Коканд крупным пунктом обмена товарами, которые доставлялись из Индии, Тибета, Бухары, Афганистана, России и Кашгара. Это привело к интенсивному развитию рыночных отношений и ремесел, способствовало росту городов – Ташкента, Коканда, Туркестана, Чимкента, Маргилана, Оша, Ходжента и др.

³⁷ См.: Масальский В. Россия. Полное географическое описание отечества. СПб., 1913. С. 385.

Правители всех трех среднеазиатских ханств большую часть времени проводили в военных походах против своих соседей, но кокандские ханы отличались, пожалуй, особой воинственностью. Ради защиты караванных путей, ведущих в Кашгар, кокандские ханы в XIX в. начали планомерное завоевание территорий, занятых киргизскими кочевыми племенами. В 20—30-х гг. XIX в. кокандские ханы подчинили себе всех киргизов, захватив всю территорию до озера Балхаш и реки Или. На захваченных землях возводились укрепления, закладывались поселения кокандцев, преимущественно узбеков. Киргизы должны были платить половцы с юрты и дополнительный налог за пользование земельными угодьями. Кроме того, киргизы обязаны были нести воинскую службу в армии кокандского хана.

Бухарский эмират сформировался в начале XVIII в. В это время власть в Бухаре захватил представитель многочисленного (более 100 тысяч человек) узбекского племени *мангыт* Мухаммед-Рахим. Династия мангытов правила в Бухаре вплоть до 1920 г.

В эмирате к началу XIX в. проживали 2 миллиона человек. В состав эмирата входили Зеравшанская и Кашкадарьинская долины, Сурхандарьинская область, некоторые территории нынешнего Таджикистана, часть Туркмении до Мургаба включительно, а на севере – вся территория до города Туркестана. Большинство населения составляли узбеки, киргизы, а также небольшое число персов, арабов, евреев, цыган, индийцев. Население в основном было оседлым, только небольшая часть вела кочевой и полукочевой образ жизни. В сельской местности говорили главным образом на узбекском языке. В то же время в городах с большой историей за плечами жители пользовались как узбекским, так и таджикским.

Бухарский эмират в Средней Азии занимал особое место – считался главным защитником веры. Эмиры провозгласили себя «повелителями правоверных», а священный город Бухару стражем и столпом мусульманства в Средней Азии, «куполом ислама». Эмир был не только светским, но и духовным главой государства, халифом, наместником пророка Мухаммеда.

Ислам в переводе с арабского означает «покорность». В Бухаре, как, пожалуй, нигде, ислам оправдывал свое первоначальное значение. Все сферы жизни эмирата – культура, мораль, политика, экономика, социальные отношения – были подчинены исламским установкам и требованиям; все было проникнуто устремлением превратить людей в покорных исполнителей воли власти. Духовная жизнь направлялась Кораном, а бытовые и юридические отношения определялись шариатом.

Согласно шариату эмир имел право распоряжаться жизнью и смертью своих подданных, их имуществом. Он был воплощением высшей власти, которую даже нельзя было упоминать вслух из опасения подвергнуться наказанию. Желая придать себе и своей власти мистическую таинственность, эмиры редко появлялись на людях, постоянно жили в Кермине, в 80 километрах от Бухары, и передвигались по столичному городу только в темное время.

Эмиры демонстрировали сверхнормальную набожность, ревностно исполняя все предписания Корана и шариата, проводя практически весь день в молитвах и разговорах на религиозные темы. Здесь все было под запретом.

Как всегда бывает, строгие запреты достигают непредусмотренных результатов. Жители не пили вина, но употребляли наркотики; лишённые женского общества, становились гомосексуалистами. Да и сами эмиры и их сановники зачастую бывали развратниками и растлителями малолетних. При дворе, где держали гаремы, состоявшие из нескольких сотен жен и наложниц, были еще и *бачи* – мальчики в возрасте 8—15 лет, предназначенные для сексуальных утех.

Образование было только религиозным. Учебные заведения были двух типов: начальная школа (*мактаб*) и более продвинутая (*медресе*). В Бухаре было 60 медресе. Учение здесь длилось около 30 лет, и вся программа сводилась к изучению арабского языка, толкованию Корана и религиозных преданий, кратких курсов юриспруденции и истории. В бухарских медресе в середине XIX в. обучалось 9—10 тысяч человек.

Мусульманское духовенство было влиятельным и весьма небедным сословием. Мечети и медресе владели огромным завещанным имуществом (вакуф), доходы от которого распределялись между преподавателями и студентами.

Вокруг *мазаров* (могил праведников), мечетей, «святых» мест кормилась армия *шейхов* (смотрителей «святых» мест), *сеидов* (якобы потомков пророка Мухаммеда), *ходжей* (потомков «святых»), юродивых, колдунов всех мастей, прорицателей, знахарей. Все это воинство эксплуатировало невежество людей и тем самым процветало.

Бухара считалась центром просвещения всей Средней Азии, сюда приезжали за знаниями (кораническими) студенты из Хивы, Коканда, Хисара и даже из Самарканда, который к XIX в. растерял свои традиции просветительства и вольнолюбия и стал заброшенным провинциальным городком. Обретя статус регионального лидера, Бухара стала рассадником религиозной догматики и нетерпимости.

Бухарский эмират был оплотом самых реакционных, темных сил. В государственной власти соединились произвол восточного феодализма, консерватизм склонного к фанатизму духовенства и грабительство родовой знати. Выразителем интересов этих сил был эмир, который правил страной, не зная над собой никакого закона. Людские судьбы зависели от настроения властителя, который, кстати, в придворном штате держал специальное должностное лицо — *танцкадара*, ответственного за хорошее настроение эмира.

Раболепие из покоев верховного правителя распространялось повсеместно, угрожая стать чертой национального характера. Низшие угодничали перед вышестоящими на социальной лестнице, и так было на всех ее ступенях.

«Страна бесправия – так называли Бухару. Население было лишено каких-либо прав. Безграмотное и невежественное, забитое и загнанное по своим кишлакам, оно и не представляло, что у него могли быть какие-то права по шариату, так как *казии* (коранические судьи. – Е. Г.) решали все вопросы так, чтобы было выгодно только богатым людям. При дворе эмира были развиты подкуп и взяточничество. В конечном счете все это узаконенное взяточничество оплачивалось народом»³⁸.

Все три среднеазиатских ханства были во многом похожи одно на другое. Это были восточные деспотии, в которых общественная жизнь строго регламентировалась нормами религии, в данном случае мусульманской.

Низкий уровень экономического развития государственных объединений не разрушал родовых и племенных связей, скорее наоборот – консервировал их. Торговые отношения имели обменный характер и не способствовали формированию внутреннего рынка.

Как и тысячи лет назад в Средней Азии, верховный правитель был единственным собственником земли, которую он раздавал в пользование и владение местным феодалам и мечетям. Отсутствие частной собственности на землю тормозило прогресс в землепользовании: земледелец не был заинтересован в улучшении ее плодородия.

Отсутствие четко сформулированных норм землевладения, произвол властей и почти полное отсутствие договорных документов на землю привели к запутанности в земельно-водных отношениях. Такое положение сохранялось во всех ханствах до конца их существования.

В Средней Азии в середине XIX в. было всего 2 миллиона гектаров орошаемой земли. То есть примерно полгектара на человека. Если же учесть, что на этом клочке земли находились, кроме продовольственных культур, строения, технические культуры (шелковица, хлопчатник), кормовые травы, то получалось, что площадь орошенных земель была явно недостаточна для обеспечения населения питанием. В результате (при высоких темпах демографического роста) Средняя Азия была обречена на полуголодное существование и отсталость. Измученный налогами и трудовыми повинностями, принудительным рытьем арыков, дехканин был самым бес-

³⁸ Хидояттов Г.А.. Указ. соч. С. 247.

правным существом. Он прозябал в нищете, вел натуральное хозяйство. Крестьянская семья сама производила и перерабатывала сельскохозяйственное сырье, сама же потребляла конечный продукт. Притом следует признать, что неграмотный, забитый дехканин был прекрасным наследственным ирригатором. Его трудами во всех трех ханствах было создано сложное водное хозяйство, включавшее не только каналы порой стокилометровой длины и арыки (отводные протоки), но и разнообразные водорегулирующие и водосберегающие сооружения. Русский географ князь В.И. Масальский³⁹ писал: «При виде этих мощных потоков, несущих на многие десятки верст живительную влагу, невольно проникаешься уважением к народу, который при крайне скудных технических познаниях под палящими лучами туркестанского солнца, ценою неимоверного труда, избороздил всю страну сетью оросительных артерий»⁴⁰.

Господствующая религия оказывала тормозящее воздействие практически во всех сегментах общественной жизни, не исключая экономического. Ислам запрещает получать проценты на предоставленные в долг деньги. Поэтому в Азии не сложилась кредитно-денежная система, которая формирует банковский капитал. В Англии, например, как и в других странах Европы, кредитные учреждения стали развиваться в начале XVIII в. и дали толчок промышленной революции. В капиталистическом хозяйстве появилось новое явление – торговля деньгами, господство финансов над производством. Отсутствие ссудного капитала, то есть кредитов и кредитующих банков, приводит к застою в торговле и экономике. «Аллах разрешил торговлю и запретил *риба*» (ростовщичество). Исходя из этой нормы, мусульманские купцы вынуждены были прибегать к различным ухищрениям, чтобы обойти этот запрет и получить прибыль на вложенный капитал, что было чревато наказаниями: можно было потерять не только имущество, но и жизнь. Коранический запрет, однако, не предотвратил расслоение мусульманского общества на богатых и бедных, в том числе очень бедных, но нанес ущерб его экономическому росту.

Значительным фактором, обусловившим всесторонний застой Средней Азии, была ее оторванность от мирового рынка. Участие в мировом товарообмене является непременным условием развития экономики и индустриального производства. Три ханства Средней Азии остались в стороне от магистрального пути развития Запада. Начиная с XV в., то есть с возникновения Османской империи, закрывшей средиземноморские порты, в связи с упразднением Великого шелкового пути и последовавших за этим Великих географических открытий, Средняя Азия оказалась еще более удаленной от внешних рынков и замкнутой в изолированном мире восточнофеодальных уделов и кочевых племен. Сотнями лет сохранялась одна и та же технология, одни и те же примитивные орудия производства. Властители и духовенство среднеазиатских ханств были фанатичными защитниками архаики во всех сферах жизни и производства.

* * *

Заканчивая краткий экскурс в историю Средней Азии, считаю полезным обратиться к свидетельствам очевидца, который проделал огромный путь через пустыни, побывал в Хивинском и Бухарском ханствах буквально накануне (1863) завоевания края русскими войсками. Венгерский востоковед Арминий Вамбери через 300 лет повторил подвиг (без преувеличения) Энтони Дженкинсона.

Весьма забавно, что автор уже упомянутого учебника «История Узбекистана» Ж. Рахимов называет Вамбери (как и других европейских путешественников) туристом: «Иностран-

³⁹ Масальский В.И. – князь Рюрикович из ветви князей Черниговских. (Примеч. ред.)

⁴⁰ Масальский В. Указ. соч. С. 423.

ные туристы, приезжавшие в эти государства (Хива, Бухара, Коканд. – Е. Г.) затем делились своими впечатлениями, поражаясь тому, как богата эта земля талантами»⁴¹.

Надо было быть профессиональным разведчиком или ученым, к тому же иметь сильную склонность к экстриму, чтобы решиться путешествовать по Средней Азии в середине XIX в. Туризм в Европе уже входил в моду, но ни одному европейскому обывателю не могло прийти в голову отправиться в туристическую прогулку в те края. «Необходимо отметить, – пишет В.А. Ромодин, автор предисловия к новейшему изданию книги А. Вамбери «Путешествие по Средней Азии», – что в Западной Европе и России накануне путешествия А. Вамбери ходили страшные, отпугивающие слухи о Средней Азии. В мировой прессе еще не улеглись страсти вокруг казни в Бухаре двух англичан, Стоддарта и Конолли. Насильственная смерть окружала имена этих британских эмиссаров ореолом «христианских мучеников»⁴².

Кроме названных выше британских «туристов» в Бухаре приблизительно в то же время обезглавили еще одного английского «туриста» – Муркрофта, так что безопасности ради «турист» Вамбери путешествовал под видом оборванного турецкого «дервиша» Решида, благо прекрасно знал турецкий, персидский и арабский языки. Кстати, его предшественником, тоже решившимся на опасный маскарад, был барон П.И. Демезон⁴³, тюрколог и преподаватель тюркских языков. Турист Демезон совершил в 1834 г. путешествие в Бухару под именем татарского муллы Джафара. Если бы русского и венгерского ученых разоблачили, их ждала бы жестокая казнь.

Арминий Вамбери стартовал из Тегерана, в то время достаточно цивилизованного (по восточным меркам) города. Он попросил принять его в компанию дервишей-паломников, побывавших до того в Мекке, которые с караваном отправились в Хиву и Бухару. Новые компаньоны новоиспеченного пилигрима честно предупредили: «...дороги в Туркестане не так удобны и безопасны, как в Персии и Турции, на наших дорогах часто неделями не бывает ни крова, ни хлеба, ни питьевой воды, к тому же приходится опасаться, что ты будешь заживо погребен песчаными бурями»⁴⁴. И Вамбери примкнул к очень большому и вооруженному каравану, потому что только большой караван (много верблюдов, много людей) имел шанс дойти до цели.

В пути Вамбери узнал, как туркмены, главным образом, да и не только они, захватывают людей и делают их невольниками: «Представьте себе чувства перса, пусть даже последнего бедняка, когда его во время ночного налета вырывают из родного семейства и доставляют сюда (Гёмюш-Тепе. – Е. Г.), зачастую еще и израненного. Взамен его одежды ему дают старые лохмотья, прикрывающие только определенные части тела, и, обремененный тяжелыми цепями, растирающими лодыжки, причиняющими чудовищную боль при каждом шаге, должен провести первые дни, а бывает, и недели своей жизни в плену, получая самую скудную пищу. Во избежание попытки к побегу на ночь ему надевают на шею *караборга*, железное кольцо, прикрепленное цепью к большому столбу, так что бряцание цепью выдает его малейшее движение. Его муки кончаются лишь тогда, когда его выкупают родные или если его отправляют на продажу в Хиву или Бухару»⁴⁵.

Туркмены захватывали в плен, продавали в рабство, грабили не только неверных (христиан), еретиков (персов-шиитов), но и любого, у кого было хоть какое-то достояние: «он (кокандский мулла. – Е. Г.) доверился показному религиозному рвению, и, когда он однажды отошел на несколько шагов от каравана, на него напали два туркмена и похитили все его деньги,

⁴¹ Рахимов Ж. История Узбекистана. Ташкент, 2001. С. 52.

⁴² Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 2003. С. 12.

⁴³ Демезон П. И. – русский специалист французского происхождения. Баронский титул получил в 1857 г. от сардинского короля. Умер в Париже в 1873 г. (Примеч. ред.)

⁴⁴ Там же. С. 28.

⁴⁵ Там же. С. 53.

все его добро., так он и вернулся к каравану: полуголый и ошеломленный случившимся»⁴⁶. Вамбери пытался урезонить одного из грабителей, объяснить постыдность его поступка, тот ничего не мог понять: «Если у вас (в Турции. – Е. Г.) не разрешен грабеж, то чем же тогда живут люди?»⁴⁷ Эти люди не знали другого способа существования.

Вамбери ехал на своем верблюде в составе очень большого каравана, но о полной безопасности не могло быть и речи: «До сих пор было неизвестно, по которой из трех дорог пойдет наш караван. Утаивание плана здесь, где в любую минуту можно ожидать нападения, было крайне необходимо... Керванбаши сказал мне, чтобы мы по возможности избегали громко говорить и кричать днем и ночью, что отныне каждый должен печь хлеб до захода солнца, так как здесь нельзя ночью разжигать огонь, чтобы не выдать врагу местонахождение»⁴⁸. Очень похоже на передвижение туристов по гостеприимной стране.

Наконец наш «турист» добирается до Хивы и попадает в общество местных мудрецов: «Не меньше мучили меня ученые мужи, а именно улемы города Хивы. Эти господа, всему на свете предпочитавшие Турцию и Константинополь, хотели от меня, как главного представителя турецко-исламской учености, услышать разъяснения многих *меселе* (религиозных вопросов). Упрямые узбеки в своих огромных тюрбанах вгоняли меня в пот, когда начинали беседу о предписаниях, как надо мыть руки, ноги, лоб и затылок, как по заповедям религии надо сидеть, ходить, лежать, спать и т. д. Султан (Турции. – Е. Г.) (как признанный преемник Мухаммеда) и его приближенные считаются в Хиве образцом в исполнении всех этих важных законов»⁴⁹. Типичный научный симпозиум.

Удалось автору повидать государя: «Хан носит такую же тяжелую баранью шапку, такие же неуклюжие сапоги с холщовыми портянками в несколько локтей длины, такие же ситцевые или шелковые халаты на вате, как и его подданные; он так же страшно потеет в этом сибирском наряде при гнетущей июльской жаре, как и они. В целом участь правителя Хорезма столь же малозавидна, сколь и остальных восточных правителей. В стране, где в порядке вещей грабеж и убийства, анархия и беззаконие, личность правителя из-за панического страха внушает что угодно, только не любовь»⁵⁰.

Вамбери оказался свидетелем обыденных сцен, и сегодня поражающих небывалой жестокостью. Воины хана Хивы захватили туркменских разбойников, уничтоживших хивинский караван. Хан вынес свой приговор: «Их уже разделили на две группы: на тех, кто не достиг 40 лет и кого еще можно было продать в рабство или подарить, и тех, кто по положению или по возрасту считался *аксакалом* (седобородым) или предводителем рода и кто должен был понести наказание, объявленное ханом. В то время как нескольких пленных уводили на виселицу или на плаху, я увидел совсем рядом, что восемь стариков по знаку палача легли на землю лицом кверху. Им связали руки и ноги, и палач выкалывал всем подряд оба глаза, становясь каждому коленом на грудь и после каждой операции вытирая окровавленный нож о белую бороду ослепленного старца. Какая это жестокая сцена, когда после ужасного акта жертвы, освобожденные от веревок, хотели встать, ощупью помогая себе руками! Некоторые стукались головой, многие бессильно падали на землю, испуская глухие стоны: воспоминание об этом, пока я жив, будет приводить меня в дрожь. В Хиве, как и по всей Средней Азии, не знают, в чем состоит жестокость; такое действие считается совершенно естественным, потому что не противоречит обычаям, законам, религии»⁵¹. И это не выдумка, а свидетельство очевидца.

⁴⁶ Там же. С. 57.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 78, 82.

⁴⁹ Там же. С. 99.

⁵⁰ Там же. С. 102.

⁵¹ Там же. С. 106.

Наконец «турист» добирается до Бухары: «Нищета улиц и домов намного превосходит бедность, скрывающуюся за самыми жалкими жилищами персидских городов, а пыль по колено в «благородной» Бухаре произвела на меня совсем неблагородное впечатление»⁵².

Вамбери разглядел суть знаменитой набожности Бухары и ее жителей:

«В Бухаре важна прежде всего внешняя форма. В каждом городе есть свой *раис* (блюститель веры), который, проходя по улицам и площадям со своим *дере* (плеть-четыреххвостка), проверяет знание религии и отправляет невежд, будь то даже 60-летние старцы, на 1 – 14 дней в школу, а в час молитвы гонит всех в мечеть. Учится ли старик в школе или спит там, молятся ли люди в мечетях или думают о делах, это никого не касается..

Малейшее проявление радости и веселья изгоняется отовсюду... Шпионы эмира проникают даже в святилище семьи, и горе тому, кто обвиняется в проступках против религии или авторитета эмира.

Ввоз предметов роскоши и прочих дорогих товаров запрещен, так же как пышность домов и одежды»⁵³.

Как и в Хиве, наш «турист» нашел в Бухаре невольничий рынок: «Согласно предписаниям религии, только неверных можно продавать в рабство. Однако лицемерная Бухара не считается с этим, и кроме персов-шиитов, объявленных неверными, в рабство обращают многих суннитских единоверцев, избиениями и пытками вынуждая их выдавать себя за шиитов»⁵⁴.

Если официальная Хива и Бухара у Вамбери оставили самое неблагоприятное впечатление, то «дети степей» (нетуркмены) пришлись ему по душе: «Здесь, в Чичакту, я в последний раз видел узбекских кочевников и откровенно признаюсь, что с большим сожалением простился с этими честными, простодушными людьми»⁵⁵.

Первое издание книги А. Вамбери на английском языке увидело свет в 1864 г., а уже на следующий год этот замечательный труд был издан на русском – так внимательно в то время в России следили за тем, что происходит в регионе. Тем более что автор уделил место (небольшое) рассказу о русском присутствии в Средней Азии! Он рассказывает, как русские пресекли морское пиратство на Каспийском море, о том, что товары из России вытесняют английские на рынках Хивы и Бухары, и, наконец, о реальном русском влиянии: «В то время, когда Вамбери находился в Бухаре, там, в подземной тюрьме томились три европейца: «Это те три итальянца, которые были арестованы в то время, когда я был в Бухаре, и которые позже, лишившись всего, что у них было, спасли жизнь лишь благодаря содействию русского правительства»⁵⁶.

Приходится признать, что за 300 лет в том краю мало что изменилось: кажется, что Дженкинсон и Вамбери были современниками. И уж о каких туристах можно было говорить!

⁵² Там же. С. 137.

⁵³ Там же. С. 148–149.

⁵⁴ Там же. С. 151.

⁵⁵ Там же. С. 187.

⁵⁶ Там же. С. 189.

Подготовка присоединения Средней Азии

Торговые связи Руси со Средней Азией возникли, очевидно, тысячу лет назад (судя по найденным археологами монетам и другим артефактам), однако в течение долгого времени эти связи были не только нерегулярными, но и непрочными.

По-настоящему регионом (включая бассейн Каспия) заинтересовались в России при Петре I. Его интересовали, во-первых, слухи о месторождениях золота где-то в устье Амударьи, а во-вторых, возможность установить речной торговый путь в Индию, считавшуюся «страной чудес». Ради этих целей в 1717 г. отправился в Хиву отряд князя А. Бековича-Черкасского, который дальше Хивы не продвинулся и ничего не разведal, так как был уничтожен хивинцами. После этого трагического события в Петербурге забыли о Средней Азии.

А дальше произошли события, имевшие непредвиденные последствия. Востоковед Гиршфельд пишет:

«Принятие в 1732 г. по просьбе Абул-Хаир-хана в подданство малой киргизской орды (младшего казахского *жуза*. – Е. Г.) снова вовлекает Россию в дела Средней Азии.

Вслед за малой ордой приняла подданство России и средняя киргизская орда (средний казахский *жуз*. – Е. Г.) с ее ханом Шемякой, кочевавшим в восточной половине тургайской части нынешней Акмолинской области.

С этого времени Россия опять начинает двигаться в Среднюю Азию, но уже не через туркменские степи, как предполагал Петр, а через Зауралье.

Принимая в подданство малую орду, Императрица Анна Иоанновна предполагала, что этим она достигнет некоторого успокоения на восточных границах государства, подвергавшихся набегам киргизов. Русскому правительству совершенно не было известно, что Абул-Хаир-хана побуждали просить нашего подданства только его личные расчеты, а не желания киргизов, почему и оказалось впоследствии, что желаемого спокойствия на наших восточных границах мы принятием в подданство киргизов не достигли. Без надлежащей подготовки, не зная ни обычаев, ни взаимных отношений наших новых подданных, мы не могли и не умели упрочить наше влияние в степи.

Вместо охранения границ наши киргизы делали на них набеги и настолько разоряли пограничное население, что для охраны восточных границ от своих же новых подданных приходилось возводить целый ряд укреплений и устраивать так называемые линии (линии укреплений. – Е. Г.).

Кроме того, принятие в подданство киргизских орд дало возможность вмешиваться в наши дела в киргизской степи Хивинскому ханству, так как происходящие из киргизских родов ханы принимали живое участие во всех родовых распрях.

Начало XIX столетия не внесло никаких существенных перемен в отношения наши к Хиве. Хива сделалась скоро рынком, где продавались русские невольники, ценившиеся особо дорого, как рабочая сила.

В 1822 г. была сделана попытка мирного разрешения вопроса о положении наших пленных. Но попытка эта не привела ни к чему. Ни Бухара, ни Хива не отозвались на нее и не прислали своих уполномоченных для совместного разрешения поднятых вопросов»⁵⁷.

Похоже вели себя правитель Кокандского ханства и его приближенные: всячески восставляли кочевников против России и русских, создавали из обитателей степей разбойничьи шайки, грабившие русские и бухарские караваны, казахов – российских подданных облагали налогами в пользу Кокандского ханства, уводили в рабство торговцев и их помощников.

⁵⁷ Гиршфельд. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Тифлис, 1902 // История Средней Азии. М., 2003. С. 110.

Поэтому приходилось усиливать охрану караванов, продлевать укрепленные линии, строить новые крепости.

По мере развития российской промышленности и торговли значение товарообмена с кочевниками и среднеазиатскими ханствами постоянно росло. Кочевники владели большими табунами лошадей и стадами овец и коз, а потому могли поставлять в Россию кожи, овечьи шкуры, козий пух, сало. Ханства вывозили бумагу, хлопчатобумажные ткани, сухофрукты, шелк, пряности и т. п. А Россия везла в казахскую степь и Среднюю Азию продукцию своих заводов и фабрик, которых с каждым годом становилось все больше.

В начале 30-х гг. XIX в. в Средней Азии, которая еще недавно Петербургу казалась надежным и обеспеченным рынком сбыта русских промышленных товаров, появился чрезвычайно опасный и опытный конкурент – Британия. Англичане заканчивали захват и освоение Индии и начинали искать новые рынки в соседних азиатских государствах – Афганистане, Иране, Бухаре, Коканде, Хиве.

«Можно смело сказать, – писал Ф. Энгельс, – что до афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба английская торговля с внутренней Азией почти равнялась нулю. Теперь дело обстоит иначе. Острая необходимость непрерывного расширения торговли – этот *fatum*, который, словно привидение, преследует современную Англию. эта неумолимая необходимость принуждает английскую торговлю наступать на Внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и Черного моря»⁵⁸.

Первым английским разведчиком в Средней Азии был Мир Иззет Улла, проехавший по Ферганской долине и Бухарскому эмирату в 1812–1813 гг. Позже – Муркфорт (1823 г. – Бухара; 1826 г. – Афганистан); Бёрнс, трижды посетивший Бухару (с 1831 г.); Гиникбергер (1832 г. – Афганистан, Бухара); Вейберг (1838 г. – Хива); Конолли и Стоддарт (1838 г. – Бухара); Аббот и Шекспир (1839–1840 гг. – Хива, Бухара, Коканд); Конолли (1840 г. – Коканд, Бухара); Вольф (1844 г. – Бухара). С 1844 г. в Среднюю Азию вместо разведчиков-англичан стали засылать разведчиков-индийцев, появлявшихся под видом купцов. По-видимому, это было вызвано казнями английских разведчиков Вейберга, Стоддарта, Шекспира и Конолли в Бухаре⁵⁹.

К 1816 г. Великобритании удалось вытеснить Россию с афганского рынка, к 1829 г. она добилась резкого ослабления российского влияния в Персии, Индия была потеряна для России окончательно, наступил черед ханств Средней Азии.

Английские эмиссары стремились воздействовать прежде всего на умы правителей ханств, используя большой арсенал средств и доводов. Делались попытки создать на восточном побережье Каспийского моря британские опорные пункты. Такие же пункты предполагалось основать в верховьях Амударьи и Сырдарьи. Ханов упорно настраивали против России, требовали от них пропустить через их территории англо-афганские отряды, которые могли бы атаковать русские укрепления. Ханов подкупали, навязывали им своих или турецких военных инструкторов, поставляли оружие.

Вот, например, что делал и как вел себя в Хиве в 1840 г. капитан Джеймс Аббот. Во время встречи с хивинским ханом Аллакули капитан стремился втянуть Хиву в орбиту британской политики и обострить ее и без того плохие отношения с соседями. Аббот пытался организовать совместное хивино-кокандское выступление против Бухары для освобождения задержанного там полковника Стоддарта, угрожая в противном случае «ввести британскую армию» в Среднюю Азию.

Заморский гость занимался и разведкой. По его настоянию Аллакули распорядился предоставить капитану « всю важную информацию относительно пограничных войск ». Бри-

⁵⁸ Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. Изд. 2. С. 12–13.

⁵⁹ См.: Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 130.

танский разведчик завербовал несколько хивинцев, которые собирали для него нужную ему информацию, и по многим вопросам он был осведомлен лучше ханского правительства. Особый интерес вызывали у него действия России в Средней Азии. Он стремился подготовить договор о союзе между ханством и Великобританией, запугивая хивинцев «русской угрозой».

Англичане не брезговали враньем и жульническими приемами в торговле, что в российских газетах в XIX в. называли «пронырством». Тот же Аббот в своих беседах с мусульманскими авторитетами Хивы доказывал, что «русские – неверные, кяфиры», тогда как англичане – чуть ли не потомки пророка Мухаммеда и, уж во всяком случае, не знают о существовании таких запретных для мусульман животных, как свинья. Он был уверен, что никто не уличит его во лжи: его собеседники, не имевшие представления о внешнем мире, не могли знать, что бекон с яичницей – традиционное блюдо англичан, которое подают на завтрак. В результате хан предоставил британцу, «не ведавшему о существовании запретного животного», отряд и несколько орудий для укрепления берегов Мангышлака⁶⁰.

Используя жульнический демпинг, британцы вытесняли с рынков Средней Азии русские товары. Сначала они продавали свои товары по очень низким ценам. Местные покупатели быстро раскупали их и уже не обращали внимания на более дорогие предметы русской торговли. Вытеснив таким образом русских конкурентов, англичане резко повышали цены на изделия своей промышленности. Этот прием они повторяли не один раз и повсеместно. Все эти «пронырства» дали основание русскому публицисту Г. Каменскому издать большую статью под характерным заголовком: «Англия – страшный соперник России в торговле и промышленности»⁶¹.

Конкретные действия англичан, направленные против русских в Средней Азии, сопровождались мощной пропагандистской кампанией в британской печати.

При том что британская политика в Средней Азии была активно наступательной, добиться крупных успехов англичанам не удалось. Причин было несколько. В ханствах сложилось стойкое мнение: «Англичане никогда не приходят в какую-либо часть Азии без особых целей и, в конце концов, становятся ее хозяевами»⁶². В среднеазиатских ханствах хорошо знали, как шаг за шагом Англия продвигалась в глубь Индии, захватывая одно княжество за другим.

Против Англии работала ее собственная двойственная политика. Британские эмиссары, с одной стороны, стремились расположить к себе, например, эмира Бухары, а с другой – поддерживали наступление афганцев на бекства Южного Туркестана, населенные узбеками и таджиками и входившие ранее в состав Бухарского эмирата. Для Бухары к тому же отношения с Россией были предпочтительнее. Бухарские купцы с большой прибылью сбывали на российских рынках сельскохозяйственную продукцию. Немало извлекал из этих торговых операций и главный купец Бухары – сам эмир. Бухарское ханство постоянно нуждалось в металлических и текстильных изделиях, которые доставлялись из Российской империи.

Представляя себе масштаб угрозы, какую несла Российскому государству военная, политическая и торговая экспансия Великобритании в Средней Азии, русские политики и предприниматели не сидели сложа руки. В Оренбурге и Омске формировались торговые караваны, направлявшиеся в ханства. Вместе с караванами правительство посылало образованных офицеров и горных инженеров, в задачи которых входил сбор всесторонней информации о путях передвижения, судоходных реках, полезных ископаемых, особенно драгоценных металлах и камнях, об экономике и внутривнутриполитическом состоянии того или иного ханства и т. п. Строго говоря, русские специалисты собирали те же сведения, которыми интересовались британские

⁶⁰ См.: Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии. М, 1974. С. 280–281.

⁶¹ Вестник промышленности. 1859. Т. 1. № 2.

⁶² Цит. по: Халфин Н.А. Россия и ханства... С. 206.

эmissары. Несомненно, русские вели и военную разведку. Как и англичане, посланцы Российского Императора в пути по среднеазиатским степям и пустыням рисковали головой.

Характерна в этом отношении ситуация, в которой в 1839 г. оказался известный русский путешественник, геолог, писатель и дипломат Егор Петрович Ковалевский.

В составе бухарского каравана геологи Е.П. Ковалевский, А.Р. Гернгросс и переводчик В.В. Григорьев (впоследствии крупный отечественный ориенталист) поздней осенью 1839 г. тронулись в путь из «азиатской столицы» России Оренбурга. В середине ноября они попали в район межплеменных столкновений кочевников-казахов. Им грозила незавидная участь быть проданными в рабство в Хиву. Бросив свои вещи, русские геологи вырвались из окружения враждебных кочевников и, проскакав 300 верст почти без остановки, на третьи сутки достигли российского укрепления Сырдарьинской линии.

Такие русские путешественники, как Е.П. Ковалевский и Я.В. Ханьков, оставили квалифицированные описания виденных, а порой изученных местностей Средней Азии, дорог, рек, горных хребтов, не потерявшие научной ценности по сей день. Я.В. Ханьков, большой знаток Средней Азии, написал подробную «Пояснительную записку к карте Аральского моря», а затем направил на имя Императора Николая I рапорт злободневного содержания: «Настоящее политическое значение Средней Азии (с точки зрения англо-русского соперничества)». Рапорт изобилует цифрами, характеризовавшими состояние русской торговли в ханствах в сравнении с торговлей британской.

Российские предприниматели требовали от правительства содействия в организации акционерных обществ, создании опорных пунктов на восточном берегу Каспия, открытия судоходства на Амударье, обеспечения безопасности русской торговли в ханствах и равных для русских купцов прав с местными торговцами на рынках Бухары, Коканда и Хивы.

Ради поддержки российской промышленности и торговли правительство империи пыталось установить с ханствами дипломатические отношения и обмениваться полномочными представителями. Как пример можно привести перечень пожеланий российской стороны к хивинскому хану: 1) не вести против России враждебных действий и не потворствовать им с чьей-либо стороны; 2) отказаться от претензий на суверенитет над русско-подданными казахами и туркменами; 3) не допускать укрывательства мятежников и выдавать их; 4) не препятствовать транзитной караванной торговле; 5) прекратить сбор пошлин на Сырдарье и уничтожить местные укрепления; 6) не мешать русским купцам приезжать в ханства и уравнивать их в правах с хивинцами; 7) предоставить России право свободного судоходства на Амударье; 8) допустить постоянного агента Российской империи в ханство; 9) уважительно относиться к требованиям этого агента; 10) признавать его непременным посредником в раздорах с соседями; 11) без его совета не заключать условий с какими-либо народами; 12) при смерти в Хиве кого-либо из русских подданных передавать агенту его имущество; 13) обеспечить безопасность агента и всех российских и бухарских торговцев⁶³.

Это были, так сказать, типовые требования, предъявляемые на переговорах со всеми среднеазиатскими владетелями. Надо признать, что пункты 10 и 11 имели в виду отказ ханства от суверенитета и признание вассальной зависимости от России, но таковы были реалии времени: британские соперники добивались того же.

Крымская война стала пунктом решительных перемен в отношениях России с государствами Средней Азии.

Поражение России в европейской войне понизило ее статус на международной сцене – высокомерные победители перестали считать ее первоклассной державой. Анализируя результаты Крымской войны, К. Маркс в своем «Конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия» писал: «Итак, для Российской империи путь в Европу закрыт. Но если закрыт

⁶³ См.: Там же. С. 290.

путь северозападный, то остаются южный и юго-восточный: Бухара, Персия, Афганистан, Ост-Индия, наконец, Константинополь»⁶⁴. Однако «основоположник» излишне оптимистично оценивал российские перспективы на азиатском направлении: Афганистан, Константинополь, тем более Ост-Индия были заблокированы «страшным врагом». Оставалась Средняя Азия.

⁶⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 18. Изд. 2. С. 600.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.